

1.

Её звали Нина, она жила в Северном городе, и, пожалуй, именно эта полная русская дама тридцати с лишним лет, преподавшая ему впоследствии немало уроков, и стала первой по-настоящему зрелой женщиной в жизни Валеры.

А рассказывать эту историю надо с предисловия. С того, каким было время, познакомившее Валеру и Нину.

Шёл второй год широкого переустройства страны. Правительство стремилось улучшить жизнь рядового гражданина и проводило одну реформу за другой, но это только ухудшало *бытие* и превращало *жизнь* большинства населения страны в *существование*. Самым удивительным было то, что всё это происходило в мирное время. Товары в магазинах исчезали с невероятной быстротой, и не только промышленные. Продуктов на всех не хватало, и было решено ввести нормы, лимиты и раздать людям талоны. По талонам один раз в месяц одному человеку было разрешено купить три килограмма сахара, пять — крупы, килограмм масла, несколько литров молока и две бутылки водки.

Про спиртное разговор особый. Но об этом чуть ниже.

В то время Валерий, мужчина двадцати восьми лет, находился не на самом лучшем отрезке своего жизненного пути. Это был период, когда он существовал на положении холостяка: первой жены у него уже не было, а второй ещё не было. Более того, почти три года он прожил на ограниченном участке одной таёжной территории, практически не видя цивилизации и женского общества и не выпив за это время ни грамма водки, не видя ни вина, ни пива.

Естественно, приехав в родной город, где жила его мать, воспитывающая его же малолетнего сына, оказавшегося сиротой при живом отце, Валера, думая серьёзно заняться воспитанием ребёнка, всё же перед этим благородным делом решил расслабиться. Буквально на третий день после приезда, блуждая по городку, он наткнулся на бывшего мужа своей родной сестры. Встречу решили отметить. Валера достал из кармана часть заработанных в тайге средств, а бывший зять повёл его к цыганам, продававшим вино-водочные изделия по двойной цене. Они набрали у свободно спекулирующего спиртным смуглого многодетного семейства какого-то жуткого портвейна и напились вдрызг.

На календаре было начало марта — необычно холодного в том году. Бывшие родственнички начали питье на колхозном рынке, в чебуречной, продолжили в фойе кинотеатра, а потом, не помня как, оказались в железнодорожном вагончике, в компании каких-то путейцев и пэмээсовцев. Вначале все сидели, разговаривали и пили водку тихо и мирно, но потом то ли работникам ПМС что-то не понравилась в действиях путейцев, то ли труженики из ПЧ усмотрели в разговорах пэмээсовцев что-то аполитичное... В общем, одно резкое слово вызвало второе — ответное, а на короткий грубый оклик последовал отклик в виде брошенной в цель пустой бутылки, и — понеслось. Сначала один работник железнодорожного транспорта врезал кулаком прямо через стол другому — из соседней организации. Потом один пэмээсовец вышиб табуретку из-под соседа-путейца, а через минуту, защищая товарищей и честь предприятий, в драчный процесс включились все, кто находился в вагончике. Даже сроду драк не любившие зять с шурином и те оказались в центре потасовки.

Из-за чего всё началось и как закончилось, никто потом из участников драки в вагончике так и не вспомнил. При встречах потом друг с другом только пожимали плечами и молча улыбались. Главное, тогда все остались живы, и вагончик уцелел. Валера пришёл в себя уже дома, совершенно не помня, как выбрался из вагончика, где расстался с зятем и как добрался. Он лежал на диване: болела челюсть, правый глаз не открывался, на бровях красовались кровоподтёки. Два следующих дня он из дому не выходил: слушал нотации матери и взялся было

за осуществление благородного воспитательного процесса — стал рассказывать сказки сыну-шестилетке, прикладывая одновременно к глазу старинный медный пятак, отчеканенный во времена Екатерины Второй. Однако благородное дело его скоро утомило. Ещё через день, когда Валере стало немного лучше и голова замыслила о вечном — о любви, он вдруг вспомнил, что должен был ехать в областной город, где назначил свидание женщине, с которой переписывался три последних месяца. В письмах они договорились встретиться накануне Международного женского праздника. В общем, несмотря ни на что, в том числе и на самочувствие, Валере нужно было в ближайшие дни быть в областном центре. По программе максимум — устраивать свою дальнейшую личную жизнь, по программе минимум — хотя бы увидеть подругу по переписке живую.

Заштукатурив синяки и ссадины разной женской косметикой, взяв денег и адресок заочной подруги, Валерий купил железнодорожный билет до областного города, сел в поезд и на другой день уже шёл к проходной чаеразвесочной фабрики, где трудилась на благо перестройки женщина, имя которой он тогда знал, но сразу после визита к чаеразвесчикам позабыл навсегда.

Имя её читателю тоже ни к чему, так как в дальнейшем повествовании о ней, кроме как сейчас, упоминаться больше не будет. Скажем сразу: зря Валера прямо с поезда помчался по мартовскому холодку через весь город к ней на фабрику по развесу и упаковке чая. К Валере на проходную она не вышла. Позвонившие вахтёру из цеха фасовки чайной продукции передали, что в тот день была не её смена. Хотя в последнем письме она подробно расписала Валерию, как найти чаеразвеску, в какой день лучше приехать и в какой час желательно прийти на проходную фабрики. Валера сделал всё по инструкции своей заочницы, но...

Дома подруги по переписке тоже не оказалось. «Не судьба», — решил Валера, твёрдо веривший в фатальный исход любого своего мероприятия, и прокатился на автобусе в другой конец города — к старшей материной сестре. Но дверь ему не открылась и в тётушкиной квартире. На улице же стало ещё больше холодать, и когда гость областного центра вышел из

тёткиного подъезда и пошёл обратно к автобусной остановке, одетый по-весеннему, он попросту околел на мартовском промозглом ветру. Замёрзнув, племянник, так и не увидевший тётю и не передавший ей материнского привета, забежал в ближайший продуктовый магазин и обомлел от неожиданности. Там почти без очереди (двадцать пять человек не в счёт) продавали натуральную «Столичную» водку, всего с трёхрублевой наценкой. Не раздумывая, Валера купил пол-литра, а когда вышел на мороз — пожалел, что не взял больше. Собачий холод внёс корректировку в дальнейшие планы приезжего, и он поспешил туда, откуда ранним утром появился в городе, — на железнодорожный вокзал. Потолкавшись с часик в очередях у касс, Валера выяснил, что билетов на самые ходовые плацкартные места нет, и, поразмыслив, пересчитав оставшиеся деньги, купил проездной документ до родного города в купейный прицепной вагон. Вагон этот шёл в составе с одним поездом, отцеплялся на станции Валеринаго города, цеплялся к другому проходящему поезду и следовал с ним дальше — на Север, туда, где бурлила и ещё кипела известная на всю страну стройка. Но Валере было всё равно. На Север, тем более на стройку, он не собирался. Поезд шёл в нужном ему направлении, у него была с собой бутылка водки, а он сам был свободен от обязательств к женщине-заочнице, и теперь уж точно никто ему не мог помешать по приезде домой заняться воспитанием своего единственного ребёнка.

Тут, наверное, всё-таки нужно пояснить читателю, почему наш герой Валера был единственным родителем шестилетнего Максимки, и рассказать вкратце, как жил-существовал он до начала описываемых выше и ниже событий.

Начнём издалека. Со школы. Где Валера никогда не был отличным учеником. В дневнике и тетрадках его сплошь и рядом, в нескромно большом количестве, красовались спасительные горбатые тройки. Да и сам Валера, выходя к доске, всегда горбился, превращаясь из живого, бойкого мальчугана в старичка-лесовичка. Но странное дело: учителя по литературе нет-нет да отмечали у него иногда склонность к художественному написанию заданных сочинений и даже словесному изяществу в них. Склонность эта стала выпрямляться и пробиваться на свет, к людям, уже в отроческие Валерины

годы, когда он стал сочинять стихотворения и рассказы и относить их не учителям, а в местную городскую газету. Не беда, что на каждом листочке, исписанном от руки, юный литератор делал по пять-шесть орфографических ошибок и совсем не считался с правилами пунктуации,— сотрудники редакции сразу же полюбили молодое дарование и при случае, подправив и подредактировав некоторые рифмованные и прозаические строчки, произведения его печатали. В старших классах, почувствовав уже вкус к газетному делу и получению гонораров, Валера стал появляться в редакции с заметками о школьной жизни и рассказами о передовиках местного завода по ремонту дорожно-строительных машин. Денежное вознаграждение юного корреспондента заметно возросло. А в школе учителя к нему стали относиться ещё снисходительней. Некоторые даже разглядели в круглом, неисправимом троечнике задатки будущего публичного человека и открыто «натягивали» ему оценки. И Валера окончил школу, неожиданно для себя имея в аттестате «всего» три тройки. А получив направление от редакции газеты, он умудрился поступить в госуниверситет на факультет журналистики, обойдя некоторых «хорошистов». Но учился там недолго. Учёба быстро наскучила, и он, как говорил потом приятелям, «не захотел париться целых пять лет». Кое-как промучившись в высшем учебном заведении один год и дождавшись призывного возраста, он ушёл на службу в Вооружённые силы. Но и там его творческая способность проявилась довольно быстро. Написав несколько заметок в армейскую газету, скромный и тихий рядовой-артиллерист после публикаций попал в поле зрения политотдела дивизии и был рекомендован в военное училище, готовившее армейских корреспондентов. Быть военным Валера тоже не хотел, тем более по приказу политотдела дивизии, и экзамены в училище откровенно завалил. Но сотрудничество с армейской прессой продолжал, и за два года нештатный корреспондент дивизионной и окружной газет неплохо поднаторел в печатном деле. Об успехах Валеры узнали в родном городе, и когда он вернулся на родину, родная редакция сразу приняла его младшим литературным сотрудником. Редактор пообещал сделать из него мэтра районной журналистики и обязательно выучить в университете.

Правда, сделал оговорку: выучить заочно — без отрыва от производства газеты.

Выучить не удалось. Хотя попытки устроить молодого сотрудника в университет редактор делал не один раз. И сразу после того, как Валера стал штатным газетчиком, и позже, когда он уже активно сотрудничал с газетами областными и его порекомендовали в Союз журналистов, и потом, когда его на областной творческой конференции молодых дарований в этот Союз приняли, и позже, когда Валера обзавёлся семьёй.

Но сразу после зачисления в штат газеты Валера уговорил редактора не торопиться с университетом, объяснив это его скорой женитьбой. С Галей он познакомился на одной из молодёжных вечеринок. Симпатичная, небольшого роста девушка, с «лисьими» живыми глазками, работала кассиром в «Детском мире», и первое время обезумевший от любви Валера каждый день после работы торопился к известному всему городу магазину, к своей ненаглядной Галинке-картинке. Через полгода после знакомства молодые поженились. Валера снова убедил редактора, намеревавшегося во что бы то ни стало отправить на учёбу молодого литсотрудника, подождать ещё год. Потом, когда у Галины случились преждевременные схватки и роды закончились неудачей — потерей ребёнка, Андрей опять отложил свидание со студенческой скамьёй и званием заочника. Вторая попытка родить ребёнка Валере с Галей удалась. Галина едва ли с первых дней беременности была под пристальным вниманием врачей городской больницы, ежедневно проходила стационарное обследование, и Максимка появился на свет вовремя, здоровым, с нормальным весом и ростом. Ошалевший от радости Валера думать не хотел не только об учёбе, но даже о поездке в областной центр. Он попросил у редактора отсрочки ещё на один год и снова отдал себя от высшего образования. А потом...

Потом ходившая всё время и неподалёку, постоянно дававшая о себе знать на примере родных и знакомых беда зашла и в Валерин дом. Её визит нельзя было назвать неожиданным. Две непростые беременности, которые перенесла Галя, сказались на её здоровье. За какой-то год она потеряла былую подвижность. «Лисьи» глазки её больше не светились ни хитрецей, ни озорными, как бывало ранее, огоньками. Она

похудела, рано перестала кормить грудью ребёнка, у неё всё чаще и чаще стали случаться внутренние кровотечения. Когда Максимке исполнилось полтора года, его мама слегла и уже больше не встала.

После смерти жены Валера стал непохож сам на себя. Он потерял интерес к творчеству и работе и больше уже не помышлял и даже не хотел слушать ни о какой учёбе. Оперативно писавший «горячие» материалы молодой корреспондент стал срывать задания редакции, отказываться от командировок и всё чаще и чаще стал причащаться к алкоголю, нередко пропадал из дому на несколько дней. Отстранился он и от воспитания сына, доверив ребёнка своей матери. Добром это кончиться не могло и кончилось плачевно.

Однажды Валера оказался на торжествах по случаю сдачи в эксплуатацию нового цеха ремонтного завода. После хорошего банкета корреспондента газеты пригласили к себе в общежитие строители из молодёжной бригады. Впереди было два выходных дня, и в эти дни бригада не просыхала. В понедельник остались самые стойкие — те, кто на работу был идти не в состоянии, но пить мог. Обмывка объекта продолжалась ещё два дня. За это время компания утряслась до четырёх самых стойких к алкоголю, в числе которых был и корреспондент Валера. Среди оставшихся выделялся Гоша — плотник-бетонщик, бывший официант из Симферополя, а ныне ещё и футболист. Он без умолку рассказывал анекдоты, а главное — финансировал затянувшиеся посиделки.

К вечеру четвёртого дня обмывки, когда «последний финанс пропел прощальный романс», четвёрка подружившихся за столом приятелей по призыву Гоши отправилась на поиски чего-нибудь «жидкого спиртосодержащего» или «бумажного шелестящего». Искали недолго. Город, в котором родился и жил Валера, в первой половине восьмидесятых годов двадцатого столетия представлял из себя несколько благоустроенных, незначительно отдалённых друг от друга посёлков. В одном жили заводчане, в другом — железнодорожники, в третьем — местные строители, в четвёртом — тоже строители, но в большинстве своём приезжие. И хотя Валерин город находился за полтысячи вёрст по прямой от начала Великой северной стройки, именно от него шла на север единственная

железная дорога, а потому город, о котором сейчас идёт речь, был объявлен начальным пунктом ударного строительства. Приехавшие и местные строители возвели несколько новых цехов для завода по ремонту дорожных и строительных машин и готовили площадку под будущий комбинат домостроения. Вот в этом четвёртом посёлке, состоявшем сплошь из одно- и двухэтажных общежитий, где жили приехавшие со всей страны на всесоюзную стройку добровольцы, обмывали новый объект самые стойкие потребители спиртного. Вот по этому четвёртому посёлку, обходя одно- и двухэтажные домики, и отправились блуждать четыре человека. И в одном из общежитий, уже к вечеру, блуждающие выпивающих нашли. Правда, в комнате, где было шумно и весело, отмечающая день рождения молоденькой малярши компания не захотела принять в свои ряды незнакомых им пришлых с улицы людей. После того как аргумент: «С нами корреспондент», — не сработал, пришлые люди решили взять место застолья штурмом. Им оказали сопротивление...

Дежурный наряд милиции прибыл, когда разошедшиеся штурмовики сняли с петель дверь, перевернули стол и стулья, вынесли оконную раму. Увидев пришедших на подмогу обороняющимся милиционерам, штурмовики, не договариваясь, бросились убежать. Валеру догнали возле автобусной остановки два дружинника, повалили на землю, заломили руки. У корреспондента в руках оказалась хозяйственная сумка с двумя бутылками водки, начатым батоном колбасы и кошельком. Как выяснилось позже, денег в кошельке было четырнадцать рублей и тридцать две копейки.

Всех четверых задержанных в тот же вечер доставили в отдел милиции, а утром возбудили уголовное дело. Молоденькая малярша, чьи именины подпортила «компания с корреспондентом», оказалась секретарём комсомольской организации строительно-монтажного поезда. Она требовала «сурово наказать хулиганов» и в своих стремлениях дошла до первых лиц строительного треста, города и района.

Вначале делу хотели дать широкую огласку и квалифицировать как «разбой, совершённый в створе группой лиц», но вмешались партийные органы, которым было невыгодно выносить «сор из избы» (всесоюзная стройка — дело

политической важности), и всё свелось к бытовой драке «с попыткой завладеть чужим имуществом». Валера мог отделаться условным сроком, но сумка с водкой, колбасой и четырнадцатью рублями потянула на лишение свободы. Ему дали по самому минимуму: два года общего режима. Гоше, как организатору, — три. Остальным — по году. Вот так, не попав в высшее учебное заведение, Валера пошёл по тюремному коридорчику к своим «университетам жизни». Наказание отбывал в таёжной зоне. Работал на деревообработке, на погрузке вагонов. А когда срок его закончился, он ещё восемь месяцев, пересиливая себя, тоску по воле и грусть по родине, «залечивал душевную рану» — работал в зоне вольнонаёмным контролёром ОТК. И только потом решил вернуться к родительскому дому.

Шла, как было уже сказано, вторая весна Всеобщего Переустройства страны.

2.

Валере досталось место на верхней полке. Он вошёл в вагон первым из пассажиров. В пустом купе, сняв верхнюю одежду, уселся у окна. До отправления поезда ему никто так и не составил компанию. Валера ехал и скучал один в купе, среди четырёх пустых полок. Чем дальше он отъезжал от областного города, тем сильнее становилась его тоска. Он не мог понять: откуда вдруг взялась хандра? Не получившаяся встреча никаким образом не отразилась на нём. С заочницей он хоть и питал какие-то отдалённые иллюзии о создании семьи, но сам в это с самого начала переписки верил мало. Слишком уж они были разными, судя по письмам. Наверное, это понимала и женщина, которой его послания были адресованы. Но переписка продолжалась: письма на определённом этапе жизни, общение с посторонним далёким незнакомым человеком, видимо, были нужны им обоим. В общем, Валера, возвращаясь к свободной жизни, не мог не предложить заочнице встретиться, а она дала согласие на встречу.

Теперь он был даже рад тому, что встречи не случилось, и у него вначале отлегло от сердца: как тюремные оковы, пали обязательства, которые он сам на себя наложил в переписке с одинокой женщиной, отозвавшейся на письмо невольника. На вокзал он ехал с лёгким чувством, но потом...

Одиночество в купе напрягало, и мысль о том, правильно ли он сделал, стала преследовать его.

Ни на следующей станции, ни на последующей никто компанию Валере тоже не составил. Одиноким пассажир прогулялся до соседнего вагона, заглянул в туалет и, возвратившись в пустое купе, снова усевшись у окна, стал было подумывать о том, чтобы достать бутылочку водочки, нарезать ливерной колбаски, купленной им в привокзальном буфете, выпить и закусить. Но мысль о том, что пить придётся в одиночку, остановила от этих действий. В одиночку пить Валера не привык. Тогда скучающий пассажир решил заняться другим делом: вытащил из сумки свежий номер областной газеты и стал искать знакомые фамилии корреспондентов. За таким занятием и застала его северная женщина.

Как выяснилось потом, поезд на её станции стоял две минуты, и чтобы успеть погрузиться с сумками, она попросила проводника второго вагона помочь ей, а после с тяжёлыми сумками шла по вагонам через весь состав к своему прицепному.

Поначалу она не произвела на Валеру впечатления и даже не вызвала, как он полагал, к нему и малейшего интереса. Полная, в широком зимнем пальто, с тремя большими сумками, дама не вошла, а едва протиснулась в двери купе.

— Помогите мне, молодой человек, приподнимите полочку, я вещи поставлю,— попросила она его первым делом, не сказав даже «здравствуйте».

«Лет под сорок бабе»,— попробовал определить Валера возраст попутчицы, помогая разместить ей под нижней полкой сумки.

— Гостинцев на Север везу,— пояснила вошедшая пассажирка, уже сняв пальто и усевшись напротив.

— Далеко вам ехать...— посочувствовал ей Валера.

— Да, не близко... Больше суток мучиться вот на этой полке буду... Но я привыкла: раза два в год обязательно приходится к родителям выезжать. Старенькие они у меня...

— А как у вас там, на строительстве новой дороги? — поинтересовался соскучившийся по общению Валера.

— Строят...— сказала без оптимизма раскрасневшаяся от мороза и переноса тяжестей, пышущая здоровьем дама, тяжело при этом вздохнула и даже махнула рукой.— Строительство

идёт в основном по трассе, а в городе работы сейчас почти нет. Безработных много. Рассчитывали вначале, что жителей будет под сорок тысяч, а приехали все семьдесят. Живут теперь кто в балках, кто во времянках, из одних досок сколоченных, а кто в общагах переполненных. Многие перебиваются случайными заработками. Летом ещё ничего, а зимой тоскливо.

— Зато озеро у вас мировое, рыбка хорошая,— сказал Валера, облизнувшись.— Давненько я омуля не ел...

— Да, озеро мировое...— согласилась с ним женщина.— И с продуктами пока проблем нет... Не то что здесь...

Толстушка замолчала. Несколько минут они ехали и молчали под стук вагонных колёс. Потом Валера осмелился.

— Хотите, я вас водочкой угощу? — предложил он даме и, уже разглядев её получше, предположил, что явно прибавил с первого взгляда ей лет этак пять: «Нет, сорока лет ей ещё нету... Под тридцать пять, видимо...»

— Спасибо, но в дороге я спиртное не пью. Тем более с людьми малознакомыми...— проявив тактичность, отказалась дама.— А вы на меня не смотрите, не стесняйтесь. Если есть желание и потребность выпить — пейте. Я не возражаю.

— Хорошо,— согласился Валера, размещая на столе выпивку и закуску.

— А вас как зовут? — осмелился задать он через несколько минут ещё один вопрос.

— Нина,— ответила она и, глядя на то, что сосед по купе не вооружён ни ножом, ни вилкой, спросила: — А вы что, колбасу руками ломать будете?

Валера пожал плечами:

— Мне не привыкать.

— Вот, возьмите,— Нина покопалась в небольшой сумке, протянула ему складной ножик.— И стакан могу напрокат дать. Надо?

— Надо,— кивнул Валера.

Он решил не тянуть кота за хвост и, наполнив до краёв стакан объёмом в двести граммов, выпил сразу, до дна. Закусил колбаской.

— Хорошо пошло? — спросила попутчица, глядя, как он жуёт кружок колбасы.

— Пошла вроде.

— Ну и на здоровье. Самое главное в этом деле — не переборщить.

— Всё вы знаете,— выразил восхищение попутчицей Валера, дожёвывая колбасу.

Он собрался было задать Нине несколько вопросов, касающихся жизни на Севере, но поезд сделал очередную остановку, и через несколько минут в купе вошли ещё два пассажира.

Вернее, вошёл один — азиат с трёхлитровой банкой разливного пива, а второго, или, правильнее, вторую — небольшую бабушку — внесли под руки два мужика. Бабушка была пьяна вдрабадан. Мужики уложили бабулю на место, где сидел Валера, и ему пришлось сесть, с разрешения Нины, рядом с ней.

Поезд стоит на станции две минуты, не больше. Провожатые уходят. Азиат по имени Гена находит себе местечко в ногах у бабки, садится и ставит банку с пивом на стол, рядом с бутылкой водки.

— Угощайся,— говорит он Валере.

Валера угощается пивом, Гена не отказывается от водки. На столе появляются рыбные консервы, сало. Мужики пьют, закусывают, ведут неспешный разговор, знакомятся. Бабуля спит, слегка храпит и посвистывает носом. Северянка молча смотрит в окно и думает о чём-то своём, лишь изредка бросая взгляд в сторону мужчин. Выпив в очередной раз водки и запив, как делают многие русские жители провинции, её пивом, Валера выходит из купе, заходит в туалетную комнатку и там, освежив лицо холодной водицей, глядя в зеркало, обнаруживает хорошо видимый под глазом синячок. Крем стёрся, и отпечаток теперь подсвечивает под зрачком синими и даже зелёными оттенками.

«А! Ерунда!» — успокаивает себя уже захмелевший пассажир и, глядя на своё отражение, короткую стрижку и спортивный костюм, решает выдать себя попутнице-толстушке за спортсмена-боксёра.

А она, попутчица Нина, тоже вышла из купе и стоит у окна в коридоре.

Валера понимает, что терять ему нечего, подходит очень близко к Нине и, глядя в лицо, говорит:

— У тебя глаза красивые.

— Да я и сама ничего,— спокойно реагирует соседка по купе на его признание, не отводя глаз.

— Конечно, ничего,— соглашается он и, ещё более осмелев, задаёт вопрос, после которого начинается диалог следующего содержания:

— А ты замужем?

— А с чего бы мне быть замужем?

— Я так и понял.

— Правильно понял. Вижу, и ты не женат.

— А когда мне жениться? Ведь я спортсмен. С соревнований еду. Вот, видишь, отпечаток на лице?

— Я как синяк увидела, так сразу поняла, что ты спортсмен. В хоккее, наверное, играешь?

— Почему решила, что в хоккее?

— У меня брат хоккеистом был, через день в синяках приходил.

— Я боксом занимаюсь. Но и в хоккее тоже, было дело, играл. И в футбол.

— Ух, какой молодец! Была бы я помоложе — влюбилась бы.

— А я уже влюбился.

— Неужто?

— С первого взгляда и навечно.

— Ух ты какой!

— Какой?

— Быстрый.

— Я страстный.

— От водки, или это твоё естественное состояние?

— Я вошёл в это состояние, когда увидел тебя.

— Красиво говоришь. Даже верить хочется.

— А ты верь.

— Хорошо. Уже поверила. А дальше что?

— Ну а дальше спать пойдём, а утром решим, что делать.

Может, я с тобой поеду.

— А холодов не боишься?

— Я ничего не боюсь.

— Верю, что ты именно такой. А спать идти, как я понимаю, вместе предлагаешь?

— А разве влюблённые спят отдельно друг от друга?

— Не спят. Но сегодня у нас ничего не получится.

— Почему?

— Потому что женские дела.

— Какие дела?

— Ты что, глупый? С женщинами никогда не жил?

— Жил.

— Тогда знать должен, что у женщин один раз в месяц свои личные, отдельные от мужиков, дела бывают.

— А... В этом смысле.

— Именно в этом.

— А ты не обманываешь?

— Зачем мне тебя обманывать? Давай я лучше тебя поцелую, а потом пойдём в тамбур, покурим.

— Пойдём.

Она приближается к нему. Совсем близко. Так близко, что он чувствует её тёплое, необычно женское дыхание. Ах, когда в последний раз он стоял так близко от женщины? Давно... Сердце захватывается в частых перестуках, и он, уже не контролируя себя, прижимается к ней и утопает в бездне поцелуя.

— А ты, братец, в этих делах не очень силен, — говорит она через пару минут, вытирая платочком помаду с Валериных уст. — Хоть и говоришь, что был женат, а опыту у тебя в общении с женщинами маловато.

Валера хочет ей сказать что-то оригинальное, возразить, защитить задетое мужское самолюбие, но пока собирается с мыслями, она опережает:

— Но это даже лучше. Не разбалованный бабами мужик любит крепче.

Потом подмигивает ему, как уже хорошо и давно знакомому другу.

— Иди в тамбур. Я сигареты возьму, а то погодуреваю, что у тебя их сейчас нет, никогда не было и ты ещё курить не научился.

— Я же говорю, что я спортсмен... — пытается оправдываться Валера.

— И я об этом... Иди, я следом.

Он идёт в тамбур. Через минуту туда приходит она, достаёт из сумочки сигареты, закуривает. В тамбуре холодно,

накурено. С обеих сторон вагона — заледеневшие стёкла на дверях. Лампочка над потолком чуть светит. Захмелевший Валера снимает с себя спортивную курточку, набрасывает на плечи Нине.

— Ого! — удивляется она, блеснув глазками.

Он осторожно берёт её за талию, прикасается губами к щеке, погбородку, шее. Она, выдохнув дым, проводит рукой по его короткой причёске и ловит его губы своими. Лёгкий табачный запах не мешает любви, и их нежный поцелуй глится до тех пор, пока в тамбуре не появляется азиат Гена.

— Валерка, пока ты тут любовь крутишь, я водку допил, — говорит он. — И пиво кончилось. А больше сейчас нигде не возьмёшь... И ничего не придумаешь...

— А где возьмёшь? Время уже за полночь, ресторан закрыт. Да и не продают там сейчас, — соглашается с ним Валера.

— А ты что, ещё выпить хочешь? — спрашивает Нина, глядя на Валеру.

— А что ещё остаётся мужику, когда любовь не получается? — говорит Валера, поглаживая её руку.

— Могу помочь. У меня баночка домашнего вина есть. Налью вам по стаканчику-другому, — предлагает Нина.

— Налей, сестрёнка! — с мольбой в глазах смотрит на неё азиат Гена.

А Нина глядит на Валеру.

— Налить? — спрашивает она.

— Налей, — говорит он.

— Налей, налей, благодетельница! Я тебе заплачу, — в предвкушении продолжения застолья уже загорается Гена.

— Не надо мне платить. Винца и я с вами выпью. Теперь я вас могу смело записать в число хорошо мне знакомых людей, — докурив сигарету, говорит Нина. — Пошли, братья-алкоголики.

И они идут в купе, где Нина с помощью Валеры вытаскивает из-под полки одну из своих больших сумок, достаёт из неё литровую баночку вина, кружок домашней колбасы. Потом Валера, уже по-хозяйски, помогает женщине поставить сумку на место. Они пьют вино, едят колбасу и сало с хлебом и говорят о всякой всячине. Примерно через час Гена начинает

заговариваться, садиться на ноги шипящей во сне бабуле, извиняться и садиться снова. В конце концов Валера помогает сотоварищу по питию забраться на верхнюю полку и остаётся бодрствовать с Ниной.

Теперь они уже не просто целуются, но и жарко обнимаются, и даже ложатся на её спальное место. В тесноте, но не в обиде. Нина снимает с себя кофточку и остаётся в белой блузке, и Валера ещё на шаг приближается к её желанному телу. Рука его ныряет в разрез блузки, касается мягкой большой груди, пальцы дотрагиваются до соска. Нина закрывает глаза и опускает руки. Ещё немного — и произойдёт то, чего Валере так нестерпимо хочется. Он щёлкает выключателем, на мгновение в купе наступает мрак. Потом ночной свет от луны, от звёзд, от потемневшего, но ещё белого весеннего снега помаленьку проникает через подёрнутое льдом окно вагона и падает на блузку Нины, её лицо. В полумраке лицо её кажется Валере сказочно-загадочным, и он с новой силой покрывает его жадными короткими поцелуями.

А поезд мчит по самой большой в мире Транссибирской магистрали, мчит их вперёд, в неопределённое их будущее, и колёса стучат на стыках рельсов.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Рука Валеры скользит по животу Нины вниз, пальцы нащупывают пупок и опускаются ещё ниже. Ниже — плотно закрытая граница — тугая резинка рейтузов. Нина перехватывает его руку.

— Дальше, Валерочка, нельзя, — говорит шёпотом она. — Дальше — запретная зона.

— А может, всё-таки попробуем её перейти? — настаивает Валера.

— Не будь ребёнком, — отстраняет его руку Нина.

— Но я уже не могу! Нет никакого терпения... — шепчет он, прикоснувшись губами к краешку её уха.

— Не разжигай себя. Не надо... Мы всё сделаем... Обязательно... Но в другой раз, в более приемлемых для этого дела условиях. В чистенькой постельке, после баньки.

От её слов у Валеры кружится голова, но мужицкая порода даёт о себе знать, он ещё надеется на её благосклонность и не хочет отступить.

— А когда он наступит, этот гругой раз? А, Ниночка, когда? Через три с половиной часа я сойду с поезда, и мы, может быть, больше никогда не увидимся.

— А вот увидимся или нет, это уже будет зависеть только от тебя, дорогой мой.

— Я поеду дальше — с тобой.

— И что ты там будешь у меня делать?

— Жить и работать.

— Ты приедешь ко мне летом. А может, я приеду к тебе. Я всё равно собираюсь уезжать с Севера.

— До лета целая вечность.

— До лета два с половиной месяца. Каких-то семьдесят-восемьдесят дней. Потерпи.

— Не могу, Нина, я не могу...

— Будь мужиком и смоги. Больше же ведь терпел. Я тебе адрес свой оставляю. Мы будем переписываться. За это время я сделаю свои дела. Ты сделаешь свои. Наверняка их у тебя тоже немало. А потом мы встретимся, возьмёмся за руки и с чистой совестью пойдём по дороге жизни в страну любви. Если ты к тому времени гругую не найдёшь: покрасивее и помоложе.

— Я сейчас хочу в страну любви. Немедленно.

— А сейчас давай я тебе лучше ещё стаканчик вина налью. Алкоголь иногда любовные желания на нет сводит. Будешь?

— Нет! — резко выдыхает он скопившийся в лёгких воздух.

— Ну и зря. А я выпью. Потому что я тоже уже не могу. Раззадорил ты меня, мальчик Валерочка, и у меня теперь терпеть больше сил бабьих тоже нет.

Она зажигает светильник, и они садятся за стол. Разговор постепенно из темы любовной переходит на бытовую. Выясняется, что у Нины тоже есть ребёнок — мальчик десяти лет. Валере всё же не хочется уходить далеко в быт и повседневную реальность жизни. Ему хочется продолжения романтической ночи, и он обнимает Нину, нежно гладит её волосы. Потом они пьют вино, целуются, снова говорят о жизни.

А время «Х» висит где-то над ними — над мчащимся в ночи поездом, над Валериной неизвестно куда

поворачивающей в этот момент судьбой, наг оставшимися часами его общения с Ниной. Время смеётся наг его чувствами, наг его хотением любой ценой добиться этой женщины-северянки, наг обстоятельствами и наг его беспомощностью. Наг тем, как оно, это время, ставит и ещё не раз будет ставить в свою зависимость ничтожного человека, поддавшегося минутным слабостям, не выдержавшего самых простых испытаний.

Ранним утром Валера сходит на перроне вокзала своего родного города. Нина провожает его и в тамбуре по-матерински целует в щёку.

— Я люблю тебя, мальчик, — говорит она ему на прощание. Лучше бы она этого не говорила.

Если бы она не сказала этих слов на прощание, может быть, всё было бы по-другому. Он если бы не забыл о ней, то, во всяком случае, не вспоминал бы так часто. А так...

А так именно тогда, после этих её слов о любви к нему, понял бедный, истязавший свою плоть Валера, что должен во что бы то ни стало овладеть этой женщиной.

3.

Он не бросился за поездом вдогонку, не полетел на Север самолётом, обгоняя поезд, и не встретил, как герой известного кинофильма, пришедшую в изумление Нину на вокзале Северного города. Ничего этого не было. Валера всё же проявил благоразумность, сумел обуздать свою страсть, взять себя в руки, и прошло не менее двух месяцев, прежде чем он смог снова встретиться с пассажиркой мартовского поезда по имени Нина.

За это время Валера несколько раз заказывал телефонные переговоры с Северным городом, написал Нине три письма и на два из них получил ответ. А вместо третьего в мае неожиданно пришла телеграмма: «Буду проездом зпт встречай зпт Нина тчк», — и Валера, купив букет цветов, пошёл встречать.

Встреча не была похожей на ту романтическую, что произошла в поезде. Был яркий солнечный майский вечер. Народу

на перроне было немного, они сразу узнали друг друга, поцеловались и пошли пешком до его дома. Накануне Валера уговорил мать забрать сына и отправиться с ночёвкой к отчиму. Вечер предвещал быть хорошим. Он достал по случаю две бутылки сухого грузинского вина, навёл порядок в маминой трёхкомнатной квартирке, самолично застелил новое постельное бельё, сходил в баньку, где полтора часа просидел в парилке. В общем, был готов к встрече в тёплой атмосфере на сто и ещё десять процентов.

— Спасибо за цветы,— поблагодарила Нина.— Мне давно никто цветов не дарил.

— А почему бы мне не подарить цветы любимой женщине?

— Так уж и любимой? У тебя таких любимых, наверное...

— Одна! — перебил он.

Она улыбнулась. В глазах её светилась благодарность.

— Верю, верю! Я тебя тоже полюбила.

— И я верю. Ты же здесь, со мной — разве у меня есть основания не верить?

— Нет никаких оснований. Я про тебя подружке Светке рассказывала почти каждый день, как ты у меня в поезде просил. Ух и нахохотались мы. А она слушала и снова просила, чтобы я ещё и ещё раз рассказала ей историю нашего знакомства.

— Сколько раз рассказывала?

— Семь,— засмеялась она.— А может, восемь. Рассказывала, рассказывала, а потом вдруг поняла, что полюбила тебя.

— Правда полюбила? — спрашивает он, обняв её прилюдно, когда они останавливаются ненадолго возле автобусной остановки.

— Правда...— говорит она очень тихо, чтобы никто, кроме него, не слышал, и уже громче торопит: — Пойдём быстрее...

Он берёт её за руку, нежно гладит ладонь и, кивнув, тоже говорит шёпотом:

— Пошли.

Наконец они дома. Он сгорает от нетерпения. Её глаза светятся любовью. Едва переступив порог, они бросаются в объятия друг друга.

Валера неудержим в своём желании: целует её губы, подбородок, шею. Расстёгивает плащ, кофточку, пытается коснуться груди. Её рука ныряет в его уже отросшие волосы.

— Подожди, подожди! Заполошный! Впереди вся ночь...— успокаивает она, сдерживая движения его рук.

— Я не могу-у-у...— протяжно и молитвенно срывается с его губ.

— Но не в прихожей же...— улыбаясь, отстраняется она от него. — В этом доме, наверное, и спальня есть?

Эти слова несколько охлаждавают Валеру.

— Конечно же,— соглашается он.— Прихожая меньше подходит для таких дел, чем уютная постелька.

— Я хочу принять ванну с дорожки,— говорит она.

— Пожалуйста...— отступает он, берёт её вещи и относит в спальню.

Пока она смывает с себя дорожное напряжение и стеснительность перед новым в её жизни мужчиной, Валера готовит на стол. Раскладывает по тарелочкам винегрет, приготовленный матерью к майскому празднику, бросает пельмени в кипящую воду, нарезает кусочками селёдку, ставит на стол фужеры, открывает вино.

— С лёгким паром! — говорит он, встречая из ванной румяную, ещё более похорошевшую и помолодевшую в коротеньком халатике Нину. — Прошу к столу!

— За что пьём? — спрашивает она, когда вино разлито по фужерам, глядя на Валеру через хрусталь и напиток.

— За встречу после долгой разлуки и вечную любовь,— говорит он торжественно, присев на корточки возле её полных, белых, притягивающих его к себе коленок.

Выпив до дна, Валера не торопится закусывать. Вместо этого, приподняв краешек халата, целует её колени. Одно, второе...

Второй тост: «За то, чтобы никогда не расставаться»,— он пьёт, осторожно присев на эти самые её полные белые колени, а она, так же осторожно расстегнув верхнюю

пуговицу его рубашки, трогает его грудь и уводит ладонь дальше под рубаху.

После третьего тоста нетерпенье полностью овладевает обоими, и они, взявшись за руки, идут в спальню.

Закуска остаётся нетронутой до утра.

4.

Утром они ели то, что было приготовлено с вечера, смотрели телевизор.

— А ты куда проездом дальше собралась? — спросил Валера, когда они прилегли в зале на диванчике, недалеко от телевизора.

— К тебе проездом и обратно, — улыбнулась Нина. — Я просто так про проезд написала. Думаю: вдруг не встретишь?.. Вдруг со мной просто так переписываешься, а тут у тебя жена, дети?..

— Скажи, что ещё и внуки, — засмеялся Валера. — Значит, нам не надо никуда торопиться?

— Не надо, — Нина чмокнула его в щёку. — Впереди целая жизнь...

После обеда пришла мать взглянуть на претендентку в невестки. Пришла не одна — с отчимом Анатолием, сестрой Валеры Ольгой, зятем Виктором и десятилетним племянником Алексеем, а также с Валериной тёткой — старшей сестрой матери по имени Вера. Позже к ним присоединилась группа ещё из трёх человек: Валерина двоюродная сестра Неля, её муж Толик и их четырёхлетняя дочь Оля.

Каждый из них, включая детей, осторожно, но внимательно разглядывал Нину, выставляя ей оценку исключительно про себя. Впрочем, кое-что всё же вырвалось наружу. Потом, когда пили, ели, разговаривали на разные темы, захмелевший муж двоюродной сестры и отец маленькой Оли — Анатолий — спросил Валеру очень осторожно, с оглядкой на супругу:

— Как она? Хороша?

Валера пожал плечами:

— Ты что имеешь в виду?

— Сам знаешь что...

— Нормально. А тебе-то что?

— Вижу, что хороша. Аппетитна даже... Не боишься, что отобью?

— Нет,— сказал Валера спокойно.

А сам вдруг поймал себя на мысли, что действительно не боится, что Нину у него отобьют.

Анатолий ещё несколько раз подмигивал Валере, кивая на гостью, но вскоре это заметила Неля и одёрнула мужа; тот слегка огрызнулся на жену, но от Валеры отстал.

Вторая ночь влюблённых прошла без лишних эмоций. Нина уже не представлялась Валере загадкой, теперь она была для него больше разгаданной тайной, чем желанной женщиной. Как понял Валера позже, именно тогда, в ту ночь, пожалуй, впервые в его жизни, пока ещё недолгой, но уже насыщенной, к нему в душу стало осторожно, но настырно входить безразличие. Доселе незнакомое ему, совестливому, считающему обязанным себя каждой отдавшейся по собственному желанию женщине, чувство входило в него нагло, бесцеремонно и неожиданно, но не пугало. Он уже тогда понял, что что-то быстро меняется в нём. После близости с опытной, первой по-настоящему зрелой женщиной в его жизни он не становился, а стал другим. Лёг в постель майским вечером второго года Всеобщего Переустройства одним человеком — почти инфантильным мальчишкой, а встал поздним утром другим — мужиком, считавшим женщину уже не тайной и загадкой, а неким обычным предметом или продуктом питания, которым необходимо пользоваться и употреблять его время от времени. Как, например, хлебом, овощами, фруктами, вином, мылом, мочалкой. Без них прожить можно, но трудно. Особенно тем, кто к ним привык и не мыслит свой быт без этих продуктовых и промышленных товаров. Когда они в изобилии — быстро приедаются и надоедают, когда же их подолгу нет — хочется, чтобы были.

Нина провела у Валеры три ночи и три дня. За это время они говорили о многом, но так и не договорились ни о чём конкретно. Валера всё время ждал, что гостя заговорит на тему скорого их сближения. Он хорошо помнил сцену их прощания в поезде, её слова о том, что они будут вместе, и ждал её предложений. Но проходил день, второй, третий, а предложений

не было. «Может, она ждёт их от меня? — думал он.— Но и так понятно уже: если она надумает приехать насовсем ко мне, никто против не будет. А если даже и мысленно будут против, возражать ему не станут. Так что...» Он так думал, но говорить об этом не хотел. И она уехала, оставив его и всех его родственников в неведении.

Она уехала сразу после выходных, а он уже не переживал и старался не думать о том, увидятся ли они снова. Валера знал: теперь точно увидятся. Она уехала, а он остался решать свои, как ему представлялось, мелкие проблемы: работать на производстве, пытаться воспитывать Максима и чего-то ждать. Это был период его существования, когда он стрекотал вечерами и по выходным на пишущей машинке. Писал разные, как он думал, литературные произведения и складывал их на пыльную полку, где уже давно лежали написанные от руки сочинения его юных лет. После трёхлетней отлучки от газетных дел он иногда мечтал написать что-то такое, необычное для местной газеты, но хорошо понимал, что в родном городе в местную прессу ему хода в неопределённо-обозримом будущем не было. Во-первых, корреспондентских вакансий в районной газете по его возвращении не нашлось, а во-вторых, по этическим соображениям, даже будь вакансия, его всё равно бы в корреспонденты не взяли. И он пошёл трудиться на завод. На тот самый, по ремонту дорожных и строительных машин. Там возводили новый цех, и Валера несколько месяцев копал ямы, таскал трубы и носилки с мусором и песком. Он не был слабаком, выполнять тяжёлую физическую работу ему приходилось и раньше. Но тут был особый случай. Валера понимал, что вполне может обойтись сейчас без этого, что по состоянию души он должен делать более творческое дело, а не выполнять не нужные ни ему, ни порой даже его начальству резкие телодвижения. Это напрягало, и долгого напряжения, морального и физического, он выдержать не мог.

Он с трудом дотягивал от понедельника до пятницы и, чтобы снять напряжение, по вечерам стал заходить в гости к другу юности — заводскому слесарю Геннадию. С Геной они мараковали над проблемой недолго, по старой памяти быстро нашли лекарство от хандры: стали заводить брагу на томатной пасте, перегонять её в самогон и употреблять сердитый

напиток. Употребляли почти еженедельно. По будням заводили брагу, вечером в четверг или пятницу перегоняли, а по выходным пили. Бывало, брага до перегона не доживала, и приятели пробовали недозрелую жидкость, черпая ковшом из фляги, уже в среду. Часто увлекались: чтобы осилить тридцать шесть литров, им порой не хватало ни будничного вечера, ни двух выходных дней, и они, было дело, прихватывали другие дни, чаще это были понедельник. После таких мероприятий Валера сильно болел, и мероприятия эти ему тоже стали помаленьку надоедать. К тому же начальство на работе, как его, так и Геннадия, друзей не всегда понимало.

Бражным лекарством Валера лечился месяца полтора, пока однажды, переболев, понял, что нужно снова что-то в жизни менять, и желательно менять побыстрее и коренным образом. Он взгрустнул и вдруг почувствовал смертельную тоску по Нине-толстухе.

В середине лета он решил поехать в Северный город.

5.

Валера любил путешествия в неведомые ему ранее места планеты. Места эти, правда, ограничивались для него всё время одной страной, а чаще отдельным регионом, хотя и большим в географическом значении. В Северный город — восточную столицу Великой стройки — он ехал впервые, а потому всё ему в дороге было интересно. И сама железная дорога, и новостройки вдоль трассы, и мосты и тоннели, построенные через своенравные северные речки на вечной мерзлоте. Лето находилось в самом разгаре, и Валера проводил весь световой день своего суточного пути у окна вагона, любовался мелькающими пейзажами, выходил, где можно было, на станциях, дышал свежим таёжным воздухом и набирался сил перед встречей с Ниной. Положительные эмоции сделали своё дело: он набрался сил физических, успокоил подорванные было нервишки и к прибытию в пункт назначения почувствовал неуёмную тоску по женщине, которая, как он надеялся, его ждала.

Поезд прибывал на конечную станцию в восемь утра. Преследовавшая Валеру в дороге целые сутки солнечная погода в Северном городе быстрым образом сменилась на хмурую

и дождливую. На подъезде к городу Валера чуть было не сошёл на полустанке. Поезд притормозил на пару минут среди нескольких пятиэтажек у небольшого каменного здания вокзала, и несколько пассажиров потянулись к выходу. За ними последовал было и Валера, но проводница его остановила:

— Не торопитесь, молодой человек, это ещё не город, а скорее пригород. Лесной называется. Не то станция, не то полустанок. Мы здесь останавливаемся по просьбе трудящихся, когда туда едем и обратно. Северный город — конечная станция, а многим строителям удобнее здесь сойти или посадку сделать. Договорились со станцией и останавливаемся. А вам, как я понимаю, до конечной надо. Вас там встречать будут?

— Там, — подтвердил Валера, поблагодарив проводницу.

Нина встретила его у поезда, возле вагона. Она была в том же самом плаще, в котором приезжала к нему в мае. Ещё из окна вагона, когда он её заметил в числе других встречающих, она показалась Валере более располневшей, чем была раньше. И поцелуй, подаренный ею тут же, на перроне, показался ему не таким жарким, как был тот, при их уже тогда неэмоциональном прощании.

— Как доехал? — спросила она, слегка отстраняясь от него и оглядываясь на прибывших пассажиров.

— Отлично.

— Вот и хорошо. Пойдём к автобусу.

Несколько автобусов марки ПАЗ на площади за вокзалом ждали пассажиров прибывшего поезда. Они сели в один из них, не то третий, не то пятый по счёту, и поехали. За окном мелькали пяти- и девятиэтажные дома, деревянные сборные домики и выстроенные на скорую руку балки. Автобус проехал несколько остановок, миновал городской парк, квартал сборных щитовых домиков.

— Нам сходить, — сказала Нина, когда «пазик» притормозил недалеко от кирпичного завода.

Завод стоял на возвышенности. С высоты хорошо были видны два ряда приспособленных для жилья вагончиков.

— Нам сюда, — Нина показала на вагончики, и они стали спускаться по деревянным ступенькам пологой лесенки, сделанной специально для пешеходов.

— Вот и пришли.

Они вошли в калитку одного из вагончиков, расположенного в первом от лестницы ряду, Нина открыла ключом большой подвесной замок двери и раскрыла дверь.

— Заходи, не стесняйся,— она сняла дорожную сумку с Валериного плеча.— Я как могла тут порядочек навела.

— Я не сомневаюсь и даже уверен в том, что стол у тебя в ожидании гостя накрыт,— сказал Валера, входя в жилище.

— Молодец, что не сомневаешься. Почти накрыт. Всё готово и составлено в холодильник, сейчас достану и поставлю на стол. А ты проходи в комнату.

Валера прошёл в пристроечку к вагону — небольшого размера кухню — и, раздвинув шторы на дверном проёме, оказался в комнате-спальне. Пока гость сидел на диване и разглядывал домашнюю обстановку — раскладной, под цвет орехового дерева, стол, сервант, шифоньер, ковёр на стенке, смотрел в экран большого цветного телевизора — хозяйюшка суетилась на кухоньке.

— Во дворе умывальник есть, умой руки,— сказала Нина, когда всё было готово к трапезе.

Валера вышел во двор, осмотрелся и нашёл дворик аккуратным. Две клумбы цветов, грядка лука, небольшой деревянный стол, скамеечка. Всё хорошо вписывалось в дворовый интерьер.

— Ты что там застыл? Проходи сюда! — позвала его из открытой двери Нина.

— Иду! — отозвался Валера.— Бегу!

Стол украшен россыпью кружочков резаной сухой колбасы на аккуратненьких беленьких тарелочках, помидоры в собственном соку из Болгарии разложены по салатницам, тут же консервированная скумбрия, копчёный омуль. В центре возвышаются графинчик с водкой и бутылка трёхзвёздочного коньяка.

— Питание на выбор,— поясняет хозяйка, предлагая гостю занять место напротив неё.

Теперь она, в лёгком голубеньком платьице, перетянутом пояском, уже не казалось ему такой полной.

— Спасибо, — благодарит гость хозяйку и, снимая пиджак, усаживается на предложенный ему стул. — Спасибо, Нина Васильевна, за встречу, за оставленный гостю праздник.

— Несмотря на то, что на улице не очень хорошая погода, у нас всё равно праздник, — подтверждает она. — Пить будем, гулять будем. Друг друга любить будем. Правда, Валера, любить будем?

— Будем! — говорит он ей и поднимает рюмочку с водкой, заботливо налитой хозяйкой. — Давай за встречу!

— Давай, — соглашается она. — Ты скучал?

— Скучал.

— А я от тоски умирала. Давно со мной такого не было.

— Это дело надо зафиксировать поцелуем, — говорит он.

Нина устремляет лицо навстречу потянувшимся к ней Валериным губам. Он касается её щеки, переваливается через стол и обнимает.

— Давай ещё по рюмочке — и на диван, — говорит она, взяв его за обе руки.

— Давай.

Рюмки снова наполняются водкой. Он подходит к ней и, встав на одно колено, произносит тост:

— За любовь в Северном городе! За любовь во всём мире!

— За любовь во время перестройки, — улыбается она.

Они выпивают водку одновременно, и он целует её в белое полное заманчивое бедро. Она уже привычно запускает пальцы рук в его причёску. Он обнимает её за колени, руки сами, помимо воли, проникают под подол платья.

— Подожди, я сниму одежду, — шепчет она, и он узнаёт в ней ту самую зрелую женщину, сделавшую его опытным мужчиной почти два месяца назад.

— Ну-и...на-а...

Ещё минута — и под ними всеми двенадцатью своими пружинами скрипит старый диван, и мужчина и женщина, бесстыдно сбросившие с себя одежду, сливаются в одну, изо всех сил прижимаясь друг к другу.

— Крепче... Ещё крепче... — закрыв глаза и с силой сжимая руками его голову, просит Нина.

Он живёт у неё два дня. Погода их не балует: то дождик, то сильный ветер. Но всё равно они выходят на прогулки по городу. Ходят пешком по склонам гор, по улицам. Нина идёт не торопясь. С её весом тяжело взбираться на возвышенности, которых в городе немало. Валера подаёт ей руку. Нередко они сагятся отдохнуть на скамеечках во дворах или в парке.

Перед поездкой домой, не дождавшись хорошего дня, они всё же идут к озеру, взяв с собой покрывало, вино и фрукты.

6.

Оказавшись в Северном городе, невозможно не побывать на этом озере — жемчужине Сибири, страны и всего мира. Озеро это, как и железная дорога,— достопримечательность города. Озеро — даже бóльшая, чем дорога. Дорога связывает город с цивилизацией не так давно, а озеро было здесь ещё за-долго до появления человека. И будет долго после его исчезновения. Великое озеро — Мировое. Раньше Валера видел его с другой, южной, более благоустроенной стороны. С той, с которой знают его и видели многие. Там сто лет уже проходит железнодорожная магистраль, есть прекрасные обустроенные пляжи, пансионаты и дома отдыха. А здесь, на Севере...

Здесь, на Севере, тоже хотели построить многое: санатории и туристские базы, филиал института по изучению редкой рыбы и озёрных глубин. Хотели, запланировали и даже начали кое-что строить, но не построили. «Из-за больших перемен в стране, видимо, здесь долго ничего не построят», — думал Валера. За недолгим расцветом этих мест, именно со второго года Переустройства в стране, и начался закат Великой стройки.

Итак, Нина и Валера в пасмурный летний денёк пришли на берег феноменального озера и не повторённого нигде природой ландшафта при нём. Валера умылся ласковой, мягкой водичкой, попробовал её на вкус, осмотрел голубую даль уходящего за горы горизонта и понял вдруг, что жизнь прекрасна, что бóльшая часть её всё же впереди и что сегодня у него далеко не худший день из этой жизни.

И, наверное, сегодня не надо думать: что будет дальше между ним и Ниной? Выйдет ли, в конце концов, у них что-нибудь серьёзное и долгое, или всё закончится сегодня-завтра

и ему нужно будет что-то снова менять в своей жизни? Но не надо сегодня об этом. Сегодня нужно просто отдохнуть...

И они отдыхали, пили вино, пьянели и говорили о пустяках.

И всё внешне выглядело действительно неплохо. Но всё же где-то глубоко на дне Валериной истомившейся души всё сильнее и настойчивее проявляло себя беспокойное, неуверенное чувство, даже через замутнённое алкоголем сознание оно нет-нет да и всплывало вопросом: что же дальше получится из их с Ниной неспешной зрелой любви?

То, что в конце концов ничего может и не получиться и всё происходящее напрасно, ему пришло в голову утром того дня, когда они собирались на озеро. Валера случайно заглянул в шифоньер и увидел там мужские брюки большого размера и небрежно лежавший в углу здоровенный пиджак.

За этой находкой застала его Нина. Она не растерялась и сразу же внесла ясность.

— Это моего мужа, — сказала она, стараясь не смотреть на Валеру. — У меня муж есть, но я его на родину, к родителям, в южные края отправила... Вместе с сыном. Через неделю-полторы должны приехать. Извини. Я не хотела тебе говорить раньше времени. Считала, что это лишнее. Думала, сначала присмотрюсь к тебе, а потом уже решу: если будет как я хотела, то соберусь и приеду к тебе. А там уж...

— Мы ведь с ним разведены лет семь уже, — сообщила Нина Валере дополнительную информацию, когда они сели обедать. — И ещё. У меня и старший сын есть. Ему восемнадцать лет в мае исполнилось, он служит сейчас в армии. Это ещё одна причина того, что я не могла всё тебе сказать ни в поезде, когда не знала, что будет дальше, ни тогда, когда к тебе приезжала. Не была ни в чём уверена.

— А теперь? Теперь уверена? — спросил Валера, тоже стараясь не смотреть ей в глаза.

— Откровенно говоря, не совсем, — сказала она. — Я уже давно ни в чём и ни в ком не уверена, и с каждым годом уверенности всё меньше и меньше остаётся. В принципе, я в молодости никакой любви не знала. Мы жили на железнодорожной станции. Мать и отец работали на железной дороге. Два брата старших после школы тоже на «железку» работать

пошли. Один потом, после армии, в путешествия подался. И сейчас его, бедного, лихая по стране носит, как лягушку-путешественницу утки таскали. Ни семьи, ни дома. По году, по два не даёт о себе никаких вестей. А второй — другой: закончил техникум, женился на городской, получил в городе квартиру. Теперь старшим дорожным мастером работает. Дети уже взрослые. А я самая младшая. Разница в возрасте с младшим братом в двенадцать лет. Меня, конечно, родители любили больше. И сейчас любят. После восьмого класса я хотела в медицинское училище поступать. Не поступила. В девятый класс тоже не пошла. Жила дома, матери по хозяйству помогала. Вот тут и Коля появился. Его старший брат в Сибирь с юга надоумил приехать. Коля же в армии служил, а потом остался на сверхсрочную, а когда брат его позвал, приехал. В общем, когда он приехал и поселился у нас на квартире, ему было за тридцать, а мне всего шестнадцатый шёл. Наверное, где-то подсознательно он мне нравился. Высокий, крепкий на вид, с кубанским говором. Букву «г» как «гхе» выговаривал. Но мне тогда больше одноклассники мои нравились. Примерно месяца через два-три после того, как Коля у нас жить стал, я почувствовала с его стороны ко мне повышенное внимание: то с полочки платок подарит, то духи. А то в кино пригласит или помочь по хозяйству предлагает. А однажды, когда в доме родителей не было, он меня в сарае прижучил. Подошёл сзади, когда я сено перекладывала, обнял, прижал к себе так крепко-крепко, что я не то что сопротивляться — слова сказать не смогла. А потом, когда лишил меня невинности, предложил выйти за него замуж. Я согласилась. Родителей, правда, вначале чуть с инфарктом не увезли. Особенно мать пыталась возмущаться. Но потом — куда деваться? — согласились. В семнадцать лет родила я Володьку, в двадцать пять — Юрку. Нельзя сказать, чтобы мы жили в любви и согласии. Поначалу он заботился обо мне и ребёнке, а потом, когда Володька подрастать стал и я пошла работать в магазин продавцом, он ревновать меня взялся. Причём ко всем подряд. Караулил меня прямо в магазине, провожал на работу, приходил перед закрытием. Весь посёлок над нами смеялся. Я со стыда сторала, а ему хоть бы хны. Жили мы тогда уже отдельно от родителей, и я, бывало, уходила от него.

Он приходил, умолял, прощения просил. Ночевал на пороге материного дома. Я возвращалась. А когда второго родила, тут уже притих. А потом и вовсе смиренный такой стал, как овечка... Я думала, что остепенился, наверное, годы тоже своё взяли, не молодой уж, но главное оказалось в том, что он мужскую силу потерял. Говорил, что причиной этому была армия. Он и раньше не сильно охоч к любовным делам был. Но десять лет я с ним жила, даже больше, — не замечала, что он страдает... А когда всё выяснилось... Когда болезнь его прогрессировать стала, мать моя его по бабкам водила, но бесполезно... Вскоре совсем спать перестал со мной. Когда признался мне в своём бессилии, то плакал, рыдал, умолял, чтобы я его не бросала. А куда бы я делась с двумя детьми-то? В общем, дошёл он уже до того, что стал заговариваться. Мол, говорит, ты, Нина, если терпеть не можешь по-женски, то найди себе на стороне. Только так, чтобы я лучше не знал и не догадывался. Я сначала чуть не убила его, а потом... А потом, когда уже жить здесь стали, я познакомилась с одним пареньком, можно сказать, что даже полюбила его, но он был женат и в конце концов уехал к жене... А теперь вот ты... Мне жалко Колю, конечно, жалко. Но ведь я ещё не старуха. Правда, не старуха ведь?

— Конечно, не старуха, — подтвердил Валера.

Признание Нины хотя и не сильно, но удивило Валеру и радости, понятно, не принесло. Несмотря на то, что всё вроде бы между ними осталось нормально и минутами даже было хорошо, всё же внутренне Валера был готов к каким-то потрясениям и даже резкому разрыву в их отношениях. Ни раньше и ни теперь он никак не мог представить себя мужем этой мощной женщины. Пробовал несколько раз, но литературной фантазии не хватало. Не получалось.

В ночь перед тем, как Валере уехать, они почти не спали. Говорили о многом. Вспоминали подробности прошлой жизни, но так ни о чём конкретном не договорились.

Валера уезжал из Северного города, загрузившись продуктовыми деликатесами в виде копчёного омуля, болгарских томатов в собственном соку, венгерских сосисок в банках.

Этого ничего не было ни в одном магазине его города. Он уезжал, не жалея ни о чём и уже не думая сюда вернуться. Но судьба снова повернула по-своему сценарию.

7.

Не прошло и двух недель, как Валера снова оказался в Нином вагончике.

По приезде домой он успел за несколько дней серьёзно испортить отношения с родственниками. Поругался с матерью, повздорил с отчимом из-за пустяков, наговорил грубостей зятю. Две бессонные ночи, следовавшие за нервным срывом, неожиданно вызвали у него приступ ностальгии. Ему вспомнились пикник на озере с северной женщиной, её полная мягкая грудь, белые ноги. А ещё ночной мартовский поезд, стук вагонных колёс. И он затосковал. «Ну и что, что у неё муж? Можно сказать, что он уже бывший,— размышлял Валера.— Не нужен он ей. А я нужен». Несколько раз Валера, лёжа на постели среди ночи, почти физически ощущал мягкую грудь Нины и представлял, что гладит её белые ноги выше колен.

Сильная, неуёмная тоска овладевала им сильнее с каждым днём, и Валера, не советуясь ни с кем, разорвал все отношения с производством, а заодно со всем городом; не долго думая и собираясь, как это уже бывало в его жизни, он сел в поезд дальнего следования, шедший в северном направлении, и через двадцать пять часов раскрыл дверь жилища полной северной женщины. Он вошёл в кухню в тот момент, когда она, не подозревая ни о чём, стирала бельё. Она полоскала в ванной какие-то тряпки, стоя спиной к входной двери. Дверь была чуть приоткрыта, и он вошёл беззвучно и обхватил её за то место, где у большинства женщин находится талия.

Она вздрогнула, взяла его руки в свои, мокрые, повернула голову.

— О! Ты откуда?

— Оттуда, откуда и в прошлый раз.

— У тебя такой вид, будто ты не сутки на поезде ехал, а только через дорогу перешёл: р-раз — и тут!

— Любви не страшны расстоянья.

Она улыбнулась, чмокнула его в подбородок.

— Сходи в магазин пока, а я тут по-быстрому закончу стирку с полосканием, и посидим-поговорим.

Нина наказала Валере купить копчёного омуля, докторской колбасы и, кроме этого, передать записку продавщице по имени Галя.

Магазин находился недалеко — в нескольких метрах от ближайшей автобусной остановки, и шустрому Валере не составило труда уложиться в полчаса. Галя-продавец, прочитав послание, попросила его немного подождать, ушла на несколько минут в подсобку и, вернувшись с газетным свёртком, сказала, что он должен ей семнадцать рублей.

В свёртке оказался коньяк ереванского разлива.

— Сегодня будешь ночевать здесь, а завтра я отведу тебя к подруге, — сказала Нина, не спрашивая ничего и ничего не объясняя, когда они сели за стол. — Ты поживёшь там несколько дней. А я приду к тебе или завтра вечером, или через несколько дней. Как обстоятельства складываться будут.

— Так надо? — спросил Валера.

— Так надо, — ответила Нина.

— Хорошо, — согласился Валера.

Весь вечер и всю ночь они вели беседы только на отвлечённые темы, но Валера уже понял, что вот-вот, со дня на день, должен вернуться из отпуска её муж.

Утром они вместе пошли в столовую, где работала Нина, и она познакомила Валеру с буфетчицей-напарницей по имени Света. До обеда Валера околачивался при общепитовской точке, выполняя работу то грузчика — таскал и подавал коробки с вином и конфетами, то дворника — убирал мусор с крыльца пункта общественного питания. В обед Света отвела Валеру на место его нового обитания — к себе в жилище: балок с двумя комнатками, одна из которых была проходная, и очень маленькой кухонькой. Света жила с дочкой-дошкольницей по имени Олеся. В своё время она приехала на Великую стройку вместе с матерью, братом и сестрой из Киргизии. Молодые поехали по комсомольской путёвке и прихватили мать за компанию. Работали на строительстве тоннеля, и во время взрывных работ брат получил увечье, после чего по причине инвалидности ударную стройку покинул. Вместе с ним уехала мать. Светлана же к тому времени вышла замуж и осталась в

Северном городе. Родилась Олеська, но молодым долго вместе жить не пришлось. Как не пришлось справить новоселье в новой девятиэтажке, где была обещана молодожёнам квартира. По словам самой Светланы, муж её «вначале загулял с бабами, а потом снюхался с одной известной всей стройке, сильно любящей мужчин дамочкой из Прибалтики» и молодую жену с ребёнком на неё променял. В результате молодая мать с дитём оказалась во времянке, а потом чуть было не уехала вслед за братом к матери, но всё же осталась, поддавшись уговорам подруг, устроившись на работу поближе к продуктам питания.

— В столовке хоть что-то для ребёнка достать можно и самой с голоду не умереть,— объясняла Света Валере.

Вторую половину дня Валера был за няньку: провёл её с шестилетней Олеськой, слушая её рассказы про то, как она ездила с мамой в отпуск к бабушке в Киргизию и видела там высокие горы. Вечером пришли Светлана с Ниной.

— Значит, так: сегодня должен прикатить мой муженёк,— сказала едва ли не с порога Нина.— Телеграмму с дороги прислал — предупреждает, боится, что приедет и какого-нибудь мужика дома застанет... Без штанов... Так вот: я пойду его встречать часа через два. Привезу домой и закачу ему большой скандал, а потом соберу вещи, возьму сына и приеду к вам. Ждите.

— Тем более что долго вещи ей собирать не надо — мы уже всё приготовили,— пояснила Света, когда Нина ушла, и попыталась ободрить Валеру: — А ты не переживай за неё — она найдёт что мужу сказать. Сделает как придумала.

Валера кивнул ей в знак согласия и даже попробовал улыбнуться: мол, а что мне переживать? Но сам про себя всё же подумал, что вот теперь именно он становится причиной раздора. «Люди столько лет прожили вместе, а теперь расходятся. Выходит, что я им семью разбиваю?»

— Она бы и так от него ушла,— сказала, угадав его мысли, Света.— Ты почти что и ни при чём. Всё давно уже шло у них к тому. Если бы не ты, то что-нибудь другое причиной послужило бы для раздора... Или кто-нибудь другой...— встала Света, улыбнувшись, немного погодя.

То, что он оказался вроде бы «ни при чём», навеяло на Валеру ещё более грустные мысли.

«Как так? Я еду к ней за тысячу километров. Мчусь, как влюблённый Ромео, и оказываюсь ни при чём... Вот так... Нет счастья в личной жизни... Нет... Да и вообще нет счастья на земле...» — думал он понуро.

— Да не хандри ты, я пошутила. Конечно же, из-за тебя весь этот сыр-бор,— на этот раз правильно угадала ход его размышлений хозяйка жилища.— Любовь это...

Дальнейшие события, произошедшие в Северном городе, во многом стали для Валеры откровением. Жизнь показала ему такую сторону, от которой он, уже кое-что повидавший на своём недолгом веку, не успевал удивляться.

Лёгкое удивление он испытал сразу после того, как Нина ушла устраивать скандал вернувшемуся с юга мужу.

— А ты не переживай сильно, даже если она вдруг сегодня не придёт,— сказала ему Света примерно через час после ухода подруги.— Нам и без неё неплохо будет.

Что она имела в виду, Валера понял не сразу. Понял немного позже. А тогда лишь он с лёгкой грустью вздохнул:

— Не придёт — значит, не судьба...

Она пришла, когда уже стало темнеть. С двумя чемоданами, в наспех надетом плаще и в сопровождении десятилетнего мальчугана.

— Познакомься: это Юрка, мой сын,— представила она ребёнка Валере.

— Привет! — бесцеремонно протянул ему руку мальчуган.

— Привет...— сказал ему Валера, пожимая его ладонь.

— Мы что, теперь будем жить вместе? — задал вопрос сын Нины.

— Это зависит от твоей мамы,— ответил Валера, уже чувствуя себя обязанным юнцу.

— А ты батяна моего не боишься? — продолжал допрашивать его Юрка.

— А что мне его бояться? Я ему ничего не должен.

— И правильно, не бойся. Это он с виду здоровый такой, а на самом деле трусливый, как кролик. Мамку боится — она его по голове бьёт поварёшкой. Бабку боится — тихонько от

неё водку пьёт. Сначала спрячет в сарае, чтобы не заметила и не наругала, а потом крадётся туда и пьёт. У проводника даже в поезде попросить стакан боится.

— Ну, зато, я вижу, ты смелый,— заметил Валера.

— Конечно, смелый, не трус же,— гордо сказал Юрка и снова спросил: — А ты не боишься, что мама и тебя по голове поварёшкой огреет?

— А за что это она меня будет огревать? За какие грехи?

— Ну мало ли? Да за просто так: не так что сделаешь — и получишь по башке... Ты, видно, мамку мою плохо знаешь...

— Может, и плохо...— сказал Валера, нахмурившись.

Беседа мужчины и юнца происходила на крыльце времянки в то время, пока женщины разбирали принесённые чемоданы внутри строения, но, видимо, в открытую дверь обрывки мужского разговора достигли Нининого слуха.

— Вы о чём там, не успели познакомиться, болтаете? Меня уже песочите? Ты, Юра, гляди у меня... Я не посмотрю, что ты только что с поезда,— враз накажу: к отцу отправлю — будешь там его жалобы на жизнь слушать.

— Вот видишь...— кивнул в сторону открытой двери Юрка и поспешил оставить общество нового знакомого дяденьки, опасаясь не то за себя, не то за дяденьку, с которым ему придётся какое-то время жить вместе.

Вообще, надо сказать, в дальнейшем Нинин сынок Валере ничем не докучал и даже оказался хорошим малым. Валера купил ему футбольный мяч, и он пинал его целыми днями за оградой, не приставая ни к кому и отрываясь от полюбившегося ему занятия только для того, чтобы поесть или отправиться на ночлег. Олеська тоже крутилась возле Юрки, и это, кажется, устраивало всех.

Буквально на другой день Валере были доверены сразу две роли: сторожа жилища и повара. Женщины с утра отправились на работу, прихватив с собой детей, а Валере поручили смотреть за домиком, купить хлеба и сварить гречневой каши с тушёнкой. За хлебом он ходил сразу, как только проснулся. С кашей же решил не торопиться и затеять варёво во второй половине дня. Легко перекусив (чай с хлебом и маслом), Валера собрался внимательнее осмотреться на новой территории и вышел для этого во двор, а там сразу

же обратил внимание на турник, сооружённый недалеко от деревянного туалета. Он с юношеским задором пару раз подтянулся на турнике «по грудь», а затем сделал упражнение, называемое в армии не иначе как «подъём переворотом». В косточках приятно хрустнуло, в теле заиграла кровь, но на большее сил не хватило. Довольный собой и, главное, тем, что ещё что-то может, Валера хотел было отправиться в домик что-нибудь почитать или полистать местную прессу, но тут внимание его привлекла вышедшая на крыльцо соседнего дома (раза в три больше того, в котором он ночевал) компания из трёх мужчин. Так как расстояние между двумя жилыми домами не достигало и пятидесяти метров, а двор был общим, то Валере не составило труда разглядеть то, что мужики вытащили на крыльцо трёхлитровую банку с мутной жидкостью и чашку с куском свежемороженого мяса. Мужики уселись на ступеньках крыльца, разлили жидкость по стаканам, выпили и стали закусывать сырым мясом, отстригивая его ножом и окуная в соль.

Заметив, что Валера направляется к домику Светланы, один из них окликнул его, сообщая, что хозяйка должна быть на работе.

Валера включился в разговор, сказав, что он в курсе, одновременно продолжая свой путь к домику. Тогда тот же самый, как впоследствии оказалось — исполняющий роль хозяина дома, пригласил новичка присоединиться к их компании. Новичку ничто не помешало это сделать.

Двоих новых Валериных знакомых звали Витями, а ещё одного — Вадимом.

Самый высокий из них был смуглым мужчиной, второй Витя, с пшеничными усами, не в меру живой, то и дело крутился на месте, соскакивал, убегал в дом, старался шутить. Вадим же загадочно и с интересом смотрел на нового знакомого.

— Выпьешь с нами технического? — спросил Витя-большой.

В то время многим ещё памятного Переустройства страны Валера не знал и не ведал о том, что можно пить спирт, предназначенный для технических целей, а потому пожал плечами.

— Мякни с нами. Он вполне съедобный, — сказал Витя-поменьше.

Вадим протянул Валере стакан и сказал, что если есть необходимость чем-то запить многоградусный обжигающий напиток, то для этого есть ковш с водой.

Валера мякнул и запил.

— Ну как? — спросил Витя-старший, протягивая ему стружку обильно посыпанного солью сырого мяса.— Закуси строганинкой.

— Да ничего,— ответил Валера, проглотив суррогат.— Резиной только отдаёт...

— А это и есть резинотехнический спирт,— засмеялся Витя-младший.

Вкус мяса тогда Валера не разобрал. Соль хрустела на его зубах, когда он жевал строганину. Поблагодарив новых знакомых, Валера снова отправился к турнику. Несмотря на то, что весь организм его в глубине своей не хотел усваивать только что принятое Валерой питье и пропущенное в желудок из него пробовало было вырваться обратно, ему всё же удалось трижды сделать подъём переворотом. Примерно через полчаса техспирт усвоился в организме, и Валера подошёл к мужикам ещё раз, потом ещё. Второй раз он постоял возле новых знакомых дольше, чем в первый, а в третий — уже не помнил сколько.

Нина со Светой обнаружили его вечером крепко спавшим на топчане в кухне и, поняв, что ничего приготовленного для них в доме нет, добродушно ворча, принялись сами готовить ужин.

— Ты не с Витькой пил сегодня? — спросила Валеру Света, когда горячая каша в тарелочках дымилась на столе и его чуть ли не силой разбудили и притянули к месту трапезы.

— С Витей,— кивнул ещё не совсем пришедший в себя Валера.

— А ты знаешь, что они пьют?

— Знаю, спирт.

— Ты за туалет зайди, посмотри, какой это спирт,— сказала Света.— Там много пузырьков валяется из-под того спирта.

Валере всё равно нужно было идти в сторону туалета, и он, любопытства ради заглянув за деревянное сооружение, увидел там десятка два пустых маленьких пластмассовых флакончиков белого цвета. Надпись на них говорила о том, что в них когда-то содержался клей марки «БФ-6».

— Витька из клея спирт как-то получает. А ты пьёшь его, себя травмируешь, — сказала Света. — Небось, ещё и мясо с ним сырое ел?

— Ел...

— Ну, значит, скоро лаять будешь. Он, гад, мало того, что сам собачатину жрёт, ещё и других угощает... Кто, не зная, что он ест, думает — баранина, а он потом смеётся...

— Ты, небось, сама эту баранину пробовала? Признайся нам, Света! — засмеялась Нина.

— Да ну тебя! — отмахнулась хозяйка.

В первое время слова Светы с трудом доходили до разбуженного Валериного сознания, но по мере того, как разум его трезвел, мысль возвращалась в реальность, организм начал извергать из себя неусвоенные частицы выпитого спирта и проглоченного мяса.

В маленьком балке — домике Светланы — Валере пришлось жить около месяца. Они спали с Ниной, постелив матрас, на полу промежуточной комнаты, через которую, перешагивая через них, проходили среди ночи и ранним утром, чтобы пописать во дворе, детки Олеська с Юркой, ночевавшие в дальней комнатухе на кровати. Иногда Юрка задерживался, присаживаясь возле Нины, и они о чём-то шептались. Света устраивалась на ночлег на кухонном топчане. Однако бывали вечера, когда она ночевать не приходила. Примерно через неделю такого совместного проживания коллектив обитателей балка пополнился ещё одним человеком. Как-то вечером в гости в Свете пришла молодая дама в компании двух мужчин. Гости принесли бутылку коньяка. Его дружно выпили на кухне, закусили омулем и редким в этих местах арбузом. После чего дама с одним мужчиной ушла, а второй гость остался ночевать. Вначале он лёг спать на кухне у самого порога, но после полуночи переполз к хозяйке. С утра он отправился в магазин, вернулся к обеду с новым матрасом, коньяком и фруктами и объявил за столом, что он теперь муж Светланы и отец Олеське. Парня звали Володей. Был он монтажником-высотником — прокладывал высоковольтную линию вдоль новой железнодорожной дороги. Работал вахтовым методом: пятнадцать дней жил на трассе, полмесяца — отдыхал от трудов в городе.

Несколько следующих дней, прошедших в балке уже в составе дополненной высотником компании, были похожи один на другой. Ночи лишь вначале отличались разнообразием. Все Валерины соки Нина выжала из него сразу. На полу было спать, конечно, жёстче, чем на перинке или хотя бы диванчике, но зато места и возможности для любовных развлечений было гораздо больше. Несмотря на малый габарит временной спаленки (два с половиной метра на два семьдесят пять), Валера с Ниной умудрялись перекаладываться за ночь и вдоль, и поперёк матраса. Иногда во время близости Нина неожиданно приходила в движение, что в первое время немало изумляло Валеру. Перебирая руками и ногами, лёжа на спине, она отползала к окну или проёму двери, унося его на себе. Причём требовала в это время от чувствовавшего себя необычно Валеры не останавливать начатого им мужского дела. И он пробовал не останавливать. Перемещаясь по комнате таким образом, они старались делать это тихо, но всё же иногда Валера ударялся головой о разные предметы и дважды опрокидывал стулья. Один раз они так увлеклись, что выползли на кухню и оказались в непосредственной близости от находившихся в движении Светланы и Володи, чем привели в испуг лежащую с открытыми глазами хозяйку.

— А я лежу и думаю, что же завтра утром варить буду, — рассказывала утром Света. — И вдруг смотрю: ширма надувается, надувается и на меня движется... Ближе, ближе... А потом сразу две головы появились... и руки. У Вовки, когда он повернулся, чуть инфаркт не случился.

— А я ничего и не понял. Смотрю: Валера с Ниной возле нас оказались. Думал, пошутить решили. А они так дела свои ночные делают — вот фантазёры... — смеялся Володя.

Однако ограниченное мышление в интимной сфере людей, воспитанных социализмом, довольно скоро исчерпало их фантазию, и скоро они перешли на классический способ, завершив дело за считанные минуты и без обоюдного удовлетворения.

Так проходили ночи, а днями Валера с Володей мотались по городу и ездили в соседние посёлки в поисках спиртного. Иногда им удавалось купить коньяку и шампанского за две-три цены. Володя не торговался. Валера видел, как он доставал из

кармана большой бумажник, сплошь нашпигованный четвертными. Дома они делали ерша: сливали коньяк и шампанское в стеклянный кувшин, оставляя выдерживаться этот коктейль до вечера. А по выходным все обитатели балка шли к берегу Великого озера. Иногда с ними в поход отправлялся и Витя-большой.

Как оказалось, Витя не был хозяином большого дома, а выполнял роль сторожа.

— Я тут с Тamarкой познакомился два года назад, потом жил у неё полгода, а теперь она к мужу на Северные острова уехала, — рассказал он Валере. — А меня сторожить заставила. Дала немного деньжонок и обещала ещё присылать. Да вот второй уже месяц нет никаких известий. Поэтому я на технический спирт и перешёл. А так мне этот технар, а тем более клей сто лет не нужны. Жизнь, братан, заставила.

8.

Несколько раз Витя бывал с компанией на озере, но долго не задерживался. Когда всё было выпито или выпивка заканчивалась и никто больше продолжить не предлагал, он уходил от ничего для него не значащих разговоров и всегда находил друзей, с которыми можно было добавить. Два раза Валера заставал его дома больным с глубокого похмелья, и Витя отправлял заглянувшего к нему знакомого в магазин хозяйственных товаров под названием «Уют». На этот «Уют» Валера обратил внимание ещё раньше, почти по приезде в Северный город. Примерно за полчаса, а то и за час до его открытия у крыльца хозмага постоянно выростала очередь человек из пятидесяти. Что за дефицитный товар там давали, Валера узнал, когда пошёл в первый раз по просьбе Виктора за «бээфом». Ему было велено купить шесть флакончиков, и непременно «БФ-6». Флакончик стоил пятьдесят две копейки. Отбив в кассе чек на три рубля двенадцать копеек, новый покупатель хозмага подошёл к прилавку и едва протянул чек, не успев произнести ни слова, как тут же получил от продавщицы нужное количество.

Это обстоятельство не просто удивило Валеру, но чуть не сразило его наповал, и он, спрятав покупку в пакет, стал с интересом наблюдать за происходящим в магазине. И вот что

отметил: почти все покупатели в утренние часы приходили в магазин только за одним товаром — пузырьками с клеем. Мужчины с помятым и не очень видом, женщины в потрёпанной одежде и потёртых джинсах брали в хозмаге от пяти до двадцати флакончиков сразу. Они подходили к кассе, называли сумму и направлялись к прилавку, где пара молодых продавщиц молча брала из их рук чеки и, согласно выбитой сумме, также не проронив ни слова, выдавала нужное количество флаконов. Ещё вот что заметил Валера, бывая в магазине по направлению Вити-большого: примерно через полчаса после открытия магазина одна из стоявших за прилавком работниц торговли громко объявляла кассирше: «Зина, шестёрку больше не отбивай. Кончилась. Осталась двойка». После этих слов по торговому залу прокатывался гул неодобрения, но вскоре затихал. Покупатели смирялись и переключались на клей марки «БФ-2», в более тёмных флакончиках и стоимостью сорок восемь копеек.

— Двойка немного хуже шестёрки,— пояснил Витя, выдавливая из пузырьков клей в трёхлитровую банку.— Зато дешевле. А по мозгам, при правильной пропорции разбавления, бьёт так же хорошо.

Именно там, в Северном городе, Валера впервые и познакомился с процессом выкачки спирта из средств бытовой химии. И хотя наше произведение не о пьяных мужчинах, а скорее о зрелых женщинах, тем не менее автор позволил себе подробно описать рецепт приготовления напитка из клея марки «БФ», расшифровываемой в народе как «Борис Фёдорович» или, точнее, «Борисфёдырыч».

Вот рецепт Вити-большого:

«Клей выдавливается в трёхлитровую стеклянную банку, после чего заливается водой. Воды должно быть в два раза больше, чем клея. Потом в банку насыпаются одна-две столовых ложки соли (в зависимости от количества налитого клея и воды). После чего деревянной палочкой длиной примерно сантиметров в пятьдесят начинается перемешивание клея с водой. В процессе перемешивания вокруг палки образуется резиновая балда (как её называл Витя). Балда это время от времени вынимается и отжимается руками. Жидкость стекает в банку. Перемешивание длится минут пятнадцать»

двадцать. После чего палка вместе с балдой выбрасывается, а мутная жидкость отстаивается ещё полчаса».

— Вот то, что получается, процеживают через марлю и пьют,— объяснил Витя.— Мне больше ничего не надо, я разбавлю холодной водой из-под колонки, и всё. А некоторые же заливают горячую воду и, когда выбрасывают балду, добавляют в жидкость кофе или корицу. А потом студят. Мне этим заниматься некогда, я холодной водой обхожусь, хотя, конечно же, во избежание всякого рода дизентерии и расстройства желудка лучше воду вскипятить.

Зная Витин рецепт, Валера некоторое время не решался повторить эксперимент с употреблением полученного таким образом технического спирта, но всё же в конце концов употребил.

Ещё раз два Витя ходил с компанией на берег озера, где они пили какое-то болгарское вино, принесённое из столовой дамами. После этих путешествий вечерами он топил баню (сколоченную из досок времяночку, годную под баню только в летнее время) и приглашал всех на помывку. Очевидно, он рассчитывал, что женщины после баньки, согласно русскому обычаю, обязательно предложат мужчинам рюмочку-другую. И не ошибался. Правда, после совместных ужинов он не оставался и обязательно где-нибудь добавлял. Валера не мог поручиться, что это не было питье, полученное из клея по вышеописанному рецепту.

9.

Раза два за оградой и под окнами их временного жилища появлялся Нинин супруг Коля. И балок переходил на осадное положение. Огромный, под два метра, детина плакался у ограды, как младенец, просил жену вернуться и не губить его жизнь. Рыдал, обливался нешуточными слезами, предлагал денег. Валера полагал, что деньги предназначались ему в качестве выкупа — в случае, если он отступится от Нины. И хотя сумма не называлась, ему, находящемуся в осаде, было не по себе от такой картины, и он даже порывался выйти к Коле-Николаю и сказать бедняге, чтобы он забирал жену бесплатно, не плакался и не унижался так. Но Колина супруга и Валерина подруга силой удерживала друга и говорила о муже

с нескрываемым презрением: «Ему, козлу, так и надо, потому что он мне знаешь за двадцать лет сколько крови выпил? А тебе лучше совсем не показываться ему на глаза. Мало ли что?.. Пусть он лучше тебя в лицо не знает, а думает на кого хочет».

После таких визитов хотелось либо надраться до потери пульса, либо сбежать на край света. Но нужно было держать марку и продолжать поддерживать любовные отношения, которые к тому времени, как полагал Валера, уже растаяли окончательно. И Валера старался их поддерживать.

Но вот однажды наступило утро, которое перенесло на новый виток его отношения с Ниной. Нет, оно ничем не было отличимо от двадцати или даже тридцати других, которые Валера встретил в Светином жилище. Было хорошее летнее утро. Из всей спящей в балке компании Валера проснулся первым. Он поднялся на рассвете, сходил по малой нужде во двор и, остановившись у турника, сделал несколько кульбитов на перекладине. Когда же, довольный собой, опустился на землю, то увидел стоявшую у двери балка Нину.

— А ты не мог, молодой человек, зарядку на женщине сделать?

Валера обвёл взглядом полную женщину в короткой ночной рубашке, с толстыми, крепкими, как ствол приличной сосны, ногами. В этот миг она показалась ему чужой, далёкой и даже незнакомой.

— Мог, конечно...— сказал он тихо, почти шёпотом.

— Он мог, но не захотел!.. Мог-мог...— проговорила Нина и пошла, не глядя на Валеру, справлять свою нужду.

Днём Витя затеял стирку в бане. Валера помог ему натащить в котёл воды, напросился помыться и даже сумел попариться. После чего Витя предложил ему отжатога «бээфа». Отказываться было неудобно, и Валера, составив ему традиционную после баньки компанию, употребил граммов этак двести. Правда, закусывали они в этот раз не собачатинкой, а консервированной скумбрией в масле.

А вечером...

Вечером Нина объявила, что решила отправить Валеру в поездку. А именно: поручила отвезти сына к бабушке, её матери. Валера не стал возражать. Путь предстоял неблизкий,

поэтому Нина выделила ему с Юркой нужную, по её мнению, сумму денег.

— Прокатись, дорогой, проветришься. Подумаешь попутно о жизни. Может, там, в пути, в проводницу какую влюбишься, — сказала она, провожая их вечером.

— Может, — согласился безучастно Валера.

Она бесчувственно чмокнула его в щёку, крепко поцеловала сына, и Валера с Юркой уехали.

В принципе, в этом месте можно было бы поставить точку на истории взаимоотношений Валеры с женщиной из Северного города. Он мог уехать и не вернуться — и правильно, наверное, бы сделал. Ибо его возвращения, как он уже полагал, ждали мало. И он уже не ждал ничего нового от Северного города и возвращаться не очень хотел. Но вернулся. Одному Господу известно почему. Наверное, ему надо было увидеть и пережить именно то, что он увидел и пережил там за неделю после возвращения, чтобы исчерпать себя в этом городе до конца. Сразу по возвращении Валера пришёл в столовую, где работала Нина, и отчитался за доставку ребёнка. А там он узнал, что Нина решила вернуться к мужу.

— Я перенесла свои вещи опять в вагончик. Но Коля уехал сегодня в командировку на три дня. Так что пойдём вечером ко мне, устроим прощальный ужин. Я тебя отблагодарю за то, что Юрку увёз, — сказала Нина, и Валера снова пожалел, что вернулся, и ещё острее почувствовал, как они теперь далеки друг от друга.

Вечером в гости к Нине напросилась ещё и заведующая столовой — пожилая татарка по имени Наиля. За столом она быстренько набралась спиртного, окосев уже после двух рюмок коньяка, и потребовала, чтобы Валера пошёл её провожать. Валера попробовал отказаться и отказывался сколько мог, до тех пор пока его не упростила проводить её начальницу сама Нина. И он пошёл. По пути на каждой автобусной остановке дочь приволжского народа останавливалась — якобы дожидаться попутного автобуса — и начинала требовать, чтобы Валера её целовал. Причём прилюдно. Валере целовать пьяную заведующую столовой не хотелось, он старался отшучиваться и, дождавшись, наконец, подошедшего автобуса, помог ей войти в салон, а сам остался за закрывшейся за завстоловой

дверцей. Татарка уехала, а он вернулся к предмету своей на глазах угасающей любви. Она спала на диване и громко храпела. Дверь вагончика была открыта. Он вошёл, налил себе из открытой и наполовину наполненной бутылки коньяку, выпил без закуски одну за другой две рюмки и пристроился рядом с Ниной. Под платьем, надетым по случаю прощального, так и не получившегося ужина, ничего не было. Тёмную спальню вагончика освещал лишь экран включённого телевизора, с которого смотрел зачинщик Всеобщего Переустройства. Был он в кожаной шляпе и говорил о том, что его поддерживают не только мужчины, но и женщины. Рядом с ним, выделяясь из толпы придворных, стояла супруга зачинщика и одобрительно кивала. Валера задрал подол платья храпящей женщины и, глядя при свете телеэкрана на её толстые бёдра, впервые подумал о том, что бёдра эти слишком и даже безобразно толстые и не вызывают в нём никаких мужских эмоций. Снятое почти без усилий платье полетело в угол, за телевизор. Нина продолжала лежать безучастно. Она включилась в процесс лишь тогда, когда Валера провёл ладонью по складкам её живота и коснулся пупка. Она схватила его за руки, торопливо помогла снять одежду и притянула к себе...

— Это в последний раз... В последний... Сейчас ты уйдёшь, а потом уедешь... — горячо шептала она.

10.

Сразу Валера не ушёл. Как оказалось — зря. Когда закончилось действие на диване, он неторопливо встал, налил себе коньяку, нарезал колбасы и сел перекусить на кухоньке.

— Устал от делов греховных? — подала из спальни голос Нина.

— Подкрепиться надо, вернуть растроченные калории, — ответил он, пережёвывая копчёную колбасу и чувствуя прилив сил от выпитого спиртного.

— Там в холодильнике яблоки есть. Возьми и мне подай тоже.

Валера открыл холодильник, выбрал самое большое яблоко, принёс Нине.

— Почему не помыл? — спросила она.

— Воды в доме нет.

— С чайника налей.

— Там кипяток.

— Ну ты прямо как ребёнок! — Нина встала, набросила на себя халат и сама пошла мыть яблоко.

Пока она поливала на плод фруктового дерева из чайника, поворачивая его в руке над тарелкой, Валера налил себе ещё рюмочку и снова приготовился закусить колбасой.

— Подожди! — вдруг сказала Нина, опустив чайник на стол.

Она осторожно подошла к нему, взяла его за локоть. Валерина рука, сжимая рюмку, замерла на полпути к цели.

— Смотри, мужик идёт по тротуару в сторону нашего вагончика. Видишь? — с тревогой произнесла она.

В тусклом свете нескольких электрических лампочек, светивших с деревянных столбов, по деревянному настилу от крутого лестничного спуска бодро двигался мужик. Его силуэт приближался к вагончику и становился крупнее с каждым шагом. Уже было видно, что одет мужчина в дождевик, а за плечом у него походная сумка.

— Коля! Ко-оля-а-а! — воскликнула Нина, отстраняя Валеру от окна.— Влипли! Говорила тебе: уходи! — не послушался!

Валера быстро допил налитый коньяк и взял в руки нож, которым только что резал колбасу.

«Чуть что — пугану,— подумал он.— Главное — не дать ему врезать мне по роже... Шкаф он здоровый. Если зацепит — считай, я инвалид. Как только он в дверь, я на него с ножом брошусь и выскочу, пока он растеряется...»

— Сиди спокойно,— сказала Нина.— Я сейчас выйду ему навстречу, постараюсь что-нибудь придумать, а ты пока потихоньку одевайся.

Валера натянул брюки, набросил на голое тело пиджак. Нина выскочила во двор, когда Коля входил в калитку. Усевшись снова за стол и сжав рукоятку ножа, Валера попытался разобрать слова, едва доносившиеся с улицы. Сердце билось учащённо. Его удары отдавались в висках, мысли, как шарики в лототроне, бились о черепную коробку, ноги лихорадочно искали под столом туфли. Не найдя туфель на ощупь под столом, Валера подскочил к порогу и сунул в обувь голые ступни. Вернуться к столу он не успел:

дверь открылась, и в комнату, сгибаясь в проёме двери, вошёл здоровенный Коля.

— Привет,— сказал он, вешая на крюк вешалки шляпу и оголяя лысую голову.

— Привет,— выдавил Валера, проглотив слюну.

Соперник был выше его на полторы головы. В передней части его лысины, ближе к темечку, отражался электрический свет.

«Нет, такого и кувалдой не убьёшь, его только валить надо... Наповал... Одним ударом ножа... Прямо в сердце...» — подумал Валера, пряча лезвие ножа дальше в рукав и крепче сжав ручку холодного оружия.

— Ты давай, парень... Это... Больше не приходи сюда...— сказал Коля, глядя на него сверху.— Понял?

Голос его был хотя и рассеянным, но мягким и беззлобным.

«Наверное, мужику не впервой заставить бабу с кем-то?» — подумал Валера, и ему снова стало жалко этого верзилу.

— Понял,— сказал он вслух и быстро вышел.

Пятикилометровый путь с одного конца Северного города до его середины, с петляниями по закоулкам и обходом скал и ручьёв, ночной путник поневоле преодолел менее чем за час. Он не думал о том, что на нём осталась лишь часть надетого на тело с утра гардероба, и был рад тому, что остался жив и невредим и история этой любви, уже без страсти и романтики, наконец-то заканчивается. Так думал он тогда. Но, как оказалось, ошибался. Да, история, лишь издали теперь похожая на любовную, казалось, подходила к своему логическому завершению, но Северный город не хотел отпускать попавшего в его сети вольнодумца, каковым был на тот период своего жизненного промежутка инфантильный мужчина в возрасте до тридцати с задатками творца литературных произведений.

11.

Витя-старший встретил его неподдельно радушно. В гостях у него был Витя-младший, а на столе стояли наполовину выпитая бутылка водки, два стакана, хлеб, баночка морской капусты, в пепельнице — окурки «Беломора».

— Проходи, у меня переночуешь,— сказал Витя-хозяин, выслушав Валерин оживлённый рассказ.

— А пришиб бы тебя Нинкин мужик — был бы прав,— сделал он вывод, когда Валера, отдышавшись, выпил полстаканчика.

— И главное — ему бы мало дали,— добавил Витя-помладше.— Суд бы учёл, что дело было на почве ревности. Вообще могли бы даже оправдать за собственную бабу.

— Ну ты уж заранее не хорони мужика, а то он совсем поник,— остановил домыслы собутельника старший Витя.— Он на его бабу не покушался, она сама его к себе пригласила. Я свидетель. Всё это на моих глазах происходило. Я и не знал, что у Нинки другой мужик есть, думал вначале, что Валерка её муж.

— Все бабы — бляди,— сделал заключение Витя с пшеничными усами, наливая всем помаленьку.— И твоя, Витька, хозяйка тоже. С тобой жила, пока муж на Севере ей на кооперативную квартиру зарабатывал.

— Ты про мою не гони, понял! — обиделся Витя.— Она просто честная давалка. Мужик по году на северах пашет, а ей что, волком выть? Она же живая. А вообще, если бы не она, ты бы тут сейчас не сидел и не пил на её деньги.

— Это правда, правда,— согласился Витя-младшой и пояснил: — Мы с Витькой сегодня в Тамаркин гараж забрались, а там резины новой, жигулёвской, самой дефицитной,— тьма. Толкнули парочку кружков — вот и пьём. Всё равно она ещё не скоро приедет. А приедет с мужиком — ничего не скажет. Не будет же она говорить, что Витька у неё жил. Не дура ведь...

— Да, она не дура,— согласился Витя-старший,— а Нинка — точно дура. И мужик есть, и пацан, а она в открытую загуливает. Я такую категорию бойцов стройки века хорошо знаю. Им где обнимают и наливают — там и любовь у них.

Дальнейший разговор о девках, бабах и нехороших женщинах продолжили под новую пол-литру. Витя показал Валере на коробку с двенадцатью бутылками «Русской» водки:

— Дня на два хватит, а то и на три... И закуска есть...

Он вытащил из холодильника пакет с картошкой и, достав оттуда шесть картофелин, загрузил их немытыми и

нечищеными в кастрюлю. Залив водой и поставив кастрюлю на электроплитку, он сообщил, что решил сварить овощ в мундире.

Валера не стал ждать, когда картошка сварится, прилёг на диван. Лёг не раздеваясь, сказав, что пить уже не может, а разговор будет поддерживать лёжа. Витяньки одобрительно кивнули, налили себе ещё и, продолжая пить, изредка задавали Валере и друг другу разные вопросы. Валера, в дрёме полусонно отвечая, сообщил им, что завтра решил ехать в родные края. На что мужики заметили, что и в Северном городе могут найти ему занятие, поэтому попросили не торопиться. Валера пообещал не торопиться. А засыпая, услышал, как Витя-младший затянул популярную на всю страну песенку: «Ли-лилипутик леденец лизал лиловый...»

12.

Рассвет Валера встретил с большим желанием поскорее покинуть город. Никто ему это сделать не мешал. Витяньки спали за столом, уткнувшись лицом в грязную скатёрку. Валера, отыскав в шкафу чистую Витину футболку, надел её, прогулялся до вокзала и выяснил, что единственный поезд, уходящий отсюда по единственной железнодорожной колее, отправляется в восемь вечера. Возвращаться к Витькам не хотелось, и он пошёл к озеру. Умылся тёплой пресной водичкой, полюбовался с высоты четырёхметрового обрыва камешками на дне, хорошо видневшимися через прозрачную воду. А потом подался в парк.

На спортплощадке проходил волейбольный турнир. Спортсмены съехались в Северный город со всей трассы и выясняли, кто станет обладателем кубка профсоюзов стройки. Валерино внимание привлёк энергичный молодой человек. Он то, прицелясь в объектив, нажимал на спусковую кнопку фотоаппарата, то делал какие-то записи в блокноте. Валера догадался, что это репортёр местной газеты, и протиснулся к нему поближе через толпу болельщиков.

Узнав, что Валера знаком с газетной жизнью не понаслышке, фотокорреспондент вначале намекнул новому знакомому, что их редакция нуждается в творческих работниках, а потом, после окончания соревнований, предложил прогуляться с ним

до здания, где делают газету, и поговорить с редактором. Валера согласился.

Редактор — седой, плотный, небольшого роста человек — встретил их приветливо, выслушал некоторые подробности из биографии бывшего корреспондента, лишь на минуту после этого задумался, а потом сказал, что если Валера принесёт ему парочку своих газетных публикаций, паспорт и трудовую книжку, то может считать себя штатным сотрудником газеты.

— Я отправлю тебя в командировку на дальний участок, — сказал он, — позарез нужен репортаж с трассы.

«А почему бы и нет? — подумал Валера. — Хватит хандрить и занимать голову надуманными проблемами, пора браться за настоящую творческую работу».

И через два часа он принёс две имеющиеся у него районные газеты с публикациями пятилетней давности, трудовую книжку и билет члена Союза журналистов. Именно билет, скорее всего, и убедил редактора в том, что Валера действительно знаком с газетным делом. Он не стал смотреть газеты, а сразу пообещав решить жилищный вопрос, сказал, чтобы новый штатный сотрудник завтра же утром приходил готовым отправиться в недельную поездку.

— Командировочные и аванс тоже получишь завтра, — редактор одобрительно похлопал его по плечу и подбодрил, как старого знакомого: — Дерзай, Валера!

Но дерзнуть Валере не пришлось. Хотя он и загорелся творческим огоньком, и энергия, доселе дремавшая в нём, начала было выходить наружу. Мысленно уже придумывающий эффектные заголовки к ещё не написанным материалам и рисующий в воображении будущих героев, Валера пришёл к мирно дремавшим Витькам и стал готовиться к поездке, а заодно и к переселению на новое место жительства.

Однако северная женщина, уже сама не желая того, не хотела отпускать его от себя, и разбуженная было энергия так и не вышла из творчески настроенного человека и не реализовалась в таёжные очерки и рассказы.

13.

Витьки дремали и сквозь дрему продолжали пить. Они делали это почти автоматически: едва придя в себя, один из

них подползал к бутылке, наливал полстакана, звал составить ему компанию другого, но, не получив ответа, выпивал водку и, занюхав корочкой хлеба, отползал. Если же содержимое в бутылке кончалось, проснувшийся, матерясь, начинал искать ящик с бутылками, напрочь забыв, что тот стоит за диваном у изголовья спавших. Искал долго, со стонами и мольбами, ругая мнимых воров, стащивших спиртное, грозясь всех убивать и поджечь их жилища. Когда же, наконец, искатель наткнулся на искомое, то обалдевал от вида нескольких полненьких, закупоренных магазинными пробками бутылок водки. В это время на его лице можно было увидеть счастливую улыбку.

Выпив дозу, счастливец отползал, укладываясь на диван рядом с не опохмелившимся ещё мучеником, и, приходя в полное блаженство, снова засыпал. Через некоторое время приходил в себя ото сна другой балдѣжник и в точности повторял действия первого.

Валера не стал вмешиваться в этот процесс и давать пьющим советов. Собрав вещи, он вышел во двор в предвкушении нового (он верил), более счастливого оборота в своей жизни и увидел сидевшего на крыльце Светиноного балка Володю.

Играл магнитофон, и из открытой двери жилища доносилось громкое пение популярной группы «Мираж». Володя, улыбаясь, хлопал в ладоши, а Олеська танцевала под музыку.

— Вы что, вдвоём? — спросил, подойдя к ним, Валера. — А где Светка?

— Муж её первый приехал. Она к нему ушла, — пояснил Володя, и Валера сделал вид, что понял. — Вчера ещё ушла, с ночевой. Я не против, пусть идёт. Но вот сегодня почему-то не вернулась, а мне вечером на вахту уезжать нужно. Не знаю, что делать. Если к семи вечера не придёт, Олеську придётся к Нинке вести. Может, ты отведёшь?

— Ты что, Володя? Я сегодня ночью чуть жив остался — без носок оттуда пришёл.

— Ясно, — кивнул Володя, — На тебя тоже рассчитывать не стоит. Хорошо, сам отведу.

Они помолчали. Потом Володя предложил:

— Может, по маленькой?

— Не хочу,— попробовал оказаться Валера.— У Витька полно водки, а меня не тянет. И вообще, хочу трезвый образ жизни начать. Я сегодня на работу устроился. В редакцию.

— Поздравляю! — Володя встал, пожал ему руку.— Буду гордиться, что знаком с корреспондентом. Приезжай к нам на участок, про высотников, монтёров-контактников напишешь, как мы высоковольтную линию тянем, электрифицируем магистраль.

— Приеду! — пообещал Валера.

— Ну, по этому случаю, братан, грех не выпить,— сказал Володя и взял приятеля под локоть.— Пойдём, у меня хороший коньяк есть. «Белый аист» называется. Мы его сейчас под шоколад раздавим. Как это белые люди на Диком Западе делают.

— Я тоже хочу шоколадку! — закричала Олеська.

— Нам самим с дядей Валерой мало,— оборвал её Володя.— А тебе мама принесёт... От папы.

— Я сейчас хочу,— захныкал не помнящий ласки ребёнок.

— Не ной! Сказал — нет, значит, нет!

— А мне дядя Валера даст! — крикнула Олеська уже со слезами на глазах и обратилась к Валере: — Дашь ведь, правда?

— Дам,— кивнул Валера,— если мне дадут...

Втроём они пошли на кухню, и Володя достал вначале из стенного шкафчика бутылку «Аиста», а потом плитку «Алёнки». Не снимая обёртку, он отрезал ножом примерно четверть шоколадки, протянул Олеське:

— Иди во двор, танцуй дальше.

— А я есть хочу,— сказала Олеська, взяв шоколад.— Картошки хочу жареной.

— Нет картошки! Жди мамку! — отрезал Володя и вывел ребёнка за дверь.

Вернувшись, он налил коньяк в рюмочки.

— Клопами не пахнет,— сказал Володя, глядя на то, как Валера нерешительно взял в руки рюмку налитого им коньяка и поднёс к лицу.— Жжёной тоже. Настоящий, не поддельный.

— А что, бывает и поддельный? — изумился Валера.

— Бывает. Второй год Переустройства в стране, борьба с водкой и тем, что горит, даёт свои плоды. Кавказцы научились

на жжёнке со спиртом коньяк делать. А воду спиртом разводят, за водку выдают. Попомни мои слова: скоро деньги фальшивые ходить начнут. Особенно крупные купюры.

— Это мне не грозит, мне крупные купюры не достаются, не хватает тямушки или серого вещества в башке их заработать.

— Какие твои годы, ещё заработаешь,— Володя подмигнул Валере и дружески похлопал его плечу.— Книгу про наше житьё-бытьё напишешь и гонорар хороший оторвёшь. Знаешь, сколько за публикацию в «Роман-газете» писатели получают? Десятками тысяч. Одной такой получки и тебе, и твоим деткам с запасом хватит. Нам на всесоюзной стройке, сколь ни мантуль, таких деньжищ нипочём не заработать.

— Ну, роман, Володя, ещё сначала написать надо... А потом, когда напишешь, пристроить его в издательство солидное... Пока его там почитают, пока поправки сделают, пока добро дадут... Потом пока напечатают, пока читатели оценят... Знаешь, сколько воды в реках утечёт? Не один год пройдёт. Бородатый и седой станешь, пока славы и денег дождёшься... И то если доживёшь...

Прятели заговорили о литературе, о жизни, о женщинах, которых называли бабами, затронули вопросы супружеской неверности и закончили, как часто это бывает при подобных беседах, производственной темой.

— Тебе, как корреспонденту, полезно знать, что каждый строительно-монтажный поезд на нашей стройке представляет союзная республика,— стал просвещать корреспондента Володя, когда они причастились ещё по разу.— Так вот, каждому поезду ещё, кроме строительства, в связи никем не отмечённой в стране продовольственной программой, нужно ещё и сельское хозяйство поднимать. Выполнять эту самую продовольственную программу партии. Поэтому обязали всех строителей заготовить по несколько тонн сена для местного совхоза. План дали. А где ты его тут возьмёшь, на Севере, сено-то? Кругом то тайга, то болота, а копни землю — через метр вечная мерзлота. Всё, что можно было, народ обкосил — все полянки и опушки, но план никто не выполнил, кроме литовцев. И знаешь, почему они отличились?

— Скажешь — буду знать...

— Потому что самые смышлёные оказались. Они тринадцать вагонов сена из Литвы привезли и сдали. Вот вам, мол, мы вклад в продовольственную программу внесли, и не отвлекайте нас больше от работы. Лихо? Через всю страну сено везли...

— Правильно сделали.

— Может, и правильно, только стоимость этого сена и полученного за счёт его от бурёнок молока не оправдывает затраты на перевозку.

— Главное — факт: сколько надо, столько и сдали.

— Конечно, правильно,— согласился Володя, уже захмелев.— У нас всегда были в чести показуха и очковтирательство.

— По-моему, ты уже в кондиции,— заметил на это Валера.— Тебе ж на работу вечером, и Олеську ещё сдать надо.

— Вечером мне к подъезду авто подгонят и отвезут до самого поезда,— пояснил Володя.— А на свой участок я лишь к утру доберусь. По дороге выплусь. Это — раз. Второе: хрен с ней, с Олеськой, пусть спит одна тут. У неё мамка есть. Та ещё сучка, трусы и носки мои стирать отказывается. Говорит: это сугубо интимные вещи и пахнут дурно, стирай, мол, сам. А на фига я тогда с ней живу? Я и один бы так существовал, а спать по разным девкам ходил, они бы мне ещё и стирали. А тут живу, ей деньги отдаю, шмотки покупаю, а она к бывшему мужу на случку бегаёт. Ну её, шалаву... Пусть как хочет, а мы пойдём к Витьку — ты говоришь, у него водка есть. Добавим... Там, на вахте, сильно не попьёшь...

14.

После выпитого коньяка часть Валериного желудка, отвечающая за приём спиртного, развязалась, душа развернулась, как меха гармошки, и весь организм уже не возражал против принятия новых спиртовых доз. Он был согласен добавить, и приятели, закончив с коньяком, пошли к Вите.

Выпить там было достаточно. Володя достал из своей походной сумки кружок полукопчёной колбасы, так что закуска тоже была. Не домогаясь до дремлющего хозяина и его гостя, они налили себе сразу по полстакана, хлопнув, закусили колбасой и продолжили начатый разговор — о ненадёжных бабах.

— Ну, у тебя с Нинкой точно всё? — спросил Володя.— Откровенно сказать можешь?

— Точно. А что мне скрывать? У неё муж, дети... А мне свою жизнь устраивать надо, творчеством заниматься, а не от её мужика прятаться. Да и потом, ничего у нас с ней общего нет... Так, встретились, полюбили друг друга от скуки, разошлись... Жалко просто потерянного времени...

— Вот-вот... И мне жалко. Я тебя знаешь почему спросил? Я тут нечаянно Светкин разговор по телефону в столовке услышал, когда к ней заходил. Она не заметила, как я вошёл, и договаривалась с каким-то богатеньким буратиной насчёт себя и Нинки. Говорила, что они могут встретиться двое на двое. Я большого значения вначале этому не придавал, но потом Светка обратилась к Витьку, пообещав ему выпивку, с просьбой, когда я уеду, отвести тебя куда-нибудь с ночёвкой или домой отправить.

— Зачем?

— Как я понял, они этих буратин — то ли азербайджанцев, то ли прибалтов — приглашают к Светке, со всеми последствиями интимной близости. А те им за ночьку денег хороших отвалят. Наверняка они уже не раз так делали.

— Ну и хрен с ними с обеими. Тебе они не нужны, у меня тоже новая жизнь начинается... Надеюсь, полная новых впечатлений. Давай будем считать, что эти бабёнки для нас — пройденный жизненный этап!

— Хорошо, — согласился Володя, наливая в стаканы снова по половинке. — Только мне хочется подкараулить, когда они соберутся для разврата, подпереть дверь чем-нибудь и пригрозить поджогом. Тут двух зайцев убить можно: баб напугать, сделать шёлковыми и с кавалеров бабки ещё срубить. У меня мент знакомый есть, можно его для устрашения подпряхь... Вот дело было бы, а?..

— Не хочу я, Вова, ничего, — замахал обеими руками Валера, ему уже было хорошо от выпитого. — Ничего, кроме как ещё выпить. И сделать это прямо сейчас.

— Так давай выпьем! — поддержал его приятель.

Они ещё несколько раз причащались к стакану, говорили несвязно и порой не понимая друг друга. Разок или два к ним подсоединился Витя-старший, пытался подняться и Витяня-усатый, но не смог, и ему подали полстакана водки в постель.

Как уехал Володя, Валера уже не слышал и не видел — прилёт в ногах усатого и поднимался только для того, чтобы выйти во двор или плеснуть себе на дно стакана.

Пришёл в себя он лишь тогда, когда почувствовал, что замерзает. Комнату заливал яркий электрический свет, бьющий из трёх рожков люстры. Усатый Витя лежал, раскинувшись на диване, на им же образованном большом мокром пятне и в частично мокрых штанах. Валера почему-то оказался на раскладушке, рядом с ним. Со двора доносилась громкая музыка. Играл магнитофон.

«И Сима в эту зиму к нему пришла сама...» — доносилось до Валериного слуха.

Преодолевая невидимое сопротивление уже частично перебродившего и ещё большей частью бродившего в его организме алкоголя, Валера поднялся и, плохо понимая, что делает, пошёл на песню.

Во дворе вовсю гулеванил Витя-старший. Он включил уличное освещение, вытащил на крыльцо магнитофон и, не давая спать всей округе, врубил его на полную катушку, медленно приплясывая и прихлопывая в ладошки под музыку. Валера, глядя на него, присел на нижнюю ступеньку крыльца.

— Что, братуха, штормит? — спросил Витёк, заметив проснувшегося гостя и продолжая хлопать и топтать. — А ты засандай сразу стаканяку — и в норме будешь.

— Не-е-е-е... — протянул Валера. — Не могу, тошнит, голова кругом идёт... Как я завтра в командировку поеду? Не уеду — накроется медным тазом вся моя дальнейшая творческая биография.

— Ну, тогда полстакана хоть выпей и иди проблюйся — и к утру оклемаешься...

Витя подсел к Валере, дружелюбно обнял за плечо, потом достал откуда-то из темноты наполовину заполненную мутной жидкостью трёхлитровую банку.

— Извини, старик, только это и осталось, — сказал он, наливая из неё в стакан. — «Борисфёдырыч». Пятнадцать бутылок водки выпили... Одуреть!

От запаха технаря Валеру затошнило ещё сильнее. Он, отбиваясь, замахал было руками, но Витя был настойчив:

— Выпей залпом сразу и иди к бане. Помутит немного, а потом, точно говорю, полегчает...

Не устояв под Витиным натиском, Валера трясущей рукой взял в руки стакан, залпом, через «не могу», выпил жидкость и тут же помчался в сторону бани. Вся внутренняя суть его организма, все его потроха пытались вырваться наружу через его же горло, но Валера, крепко стиснув зубы, держал внутренности на последнем издыхании. Удержать удалось. Через несколько минут амплитуды внутренних клочкотаний в его теле стали затухать, и в голове действительно прояснилось.

Валера прогулялся по двору, подошёл к соседнему балку. Окно в маленькой комнате, где ему приходилось недавно ночевать, светилось. Сквозь занавеску проступали, то удаляясь, то делаясь крупнее, тени. До него долетели обрывки разговора, в котором участвовали мужчины и женщина. Валере показалось, что женщина отвечала голосом Нины.

15.

Потом, по прошествии нескольких дней, вспоминая события той ночи, Валера так и не смог понять, что подтолкнуло его к шальной мысли. То ли сказанные накануне Володей слова о шантаже одноразовых ухажёров женщины, с которой он совсем недавно был близок, то ли всё-таки чувство собственника, который никак не хочет расстаться с уже отслужившей ему и, в принципе, ненужной вещью. То ли действительно проснувшаяся ревность. Вначале, правда, никакой шальной мысли в голове Валеры не возникло. Он лишь тихонько постучал в светящееся окно. Голоса за шторкой утихли. Он постучал ещё раз. На этот раз после его стука в комнате погасили свет. Валеру это раззадорило. Он стукнул несколько раз по стеклу — теперь уже в тёмное окно — сильнее и гораздо увереннее. Но и на этот раз из домика никто не отозвался.

— Нина, Нин... — позвал он.

Ответа не последовало.

И тогда Валера, уже теряя над собой контроль, подошёл к двери и ударил по ней сильно и настойчиво. Вначале кулаком, потом ногой. Хозяйке, видимо, надоело выдерживать беззвучную осаду, и она подошла к двери.

— Ты зачем стучишь?— спросила Света из коридорчика.— У Витьки ночуй. Здесь сегодня места нет...

— Нину позови,— попросил Валера.

— Нету её. Она сегодня у себя дома.

— Я слышал её голос.

— Тебе показалось с перепою. Нет, тебе говорю, её. Дома ночует.

— Не обманывай.

— Я не обманываю. Иди ложись спать. Завтра, если соскучился, приходи в столовую, там её увидишь...

Слова Нининой подруги Валеру вроде бы убедили. Сказав: «Ладно»,— он отошёл от двери и направился к перематывающему магнитофонную кассету Вите.

— Ну как, полегчало? — спросил его Витя.

— Полегчало,— кивнул Валера.— Пойду попробую поспать, а то уже галлюцинации начинаются. Кажется, что у Светки дома какие-то мужики разговаривают.

— А к ней приходили два мужика. Часа два назад. У меня ещё спрашивали: здесь ли она живёт? Я сказал, что здесь. А вот зашли они к ней или обратно ушли, сказать не могу. Не видел.

— А Нинка с ними была?

— Успокойся ты. Была, не была — какая разница сейчас тебе-то? Ты вроде домой собрался или в командировку, а она к мужику ушла. У неё своя жизнь, у тебя своя. Сам же на эту тему распространялся недавно.

— Всё так, Витя, всё так. Только зачем меня Светка обманывает?

— Да хрен с ней, со Светкой, и с Нинкой тоже, и с другими шлюхами. Ты утром далеко отсюда будешь — новую жизнь начнёшь. Забудь старую. Забудь баб этих: что было — прошло. Там, на стройучастках, столько девок... И все молодые и не замужем. Выбирай — не хочу. На нового корреспондента знаешь как клевать начнут... Через день уже забудешь свою старушку Ниночку, а через неделю и помнить не будешь, как её звали.

Витя засмеялся, а Валера, очевидно, согласившись с ним, кивнул и пошёл прилечь. Однако вид обмоченного Витяни-младшего, а ещё погашенных прямо в тарелках недокуренных папирос, разбросанных по полу вещей и бутылок вызвали

в нём новый приступ тошноты. Пришлось снова выйти на крыльцо и присесть на ступеньки. Тем временем Витя снова поставил кассету с песнями Розенбаума.

«Только шашка казаку во степи подруга, только шашка казаку в степи жена...» — неслось из динамика магнитофона. И Витя снова пошёл в пляс.

Валера молча сидел на ступеньках крыльца и старался думать о грядущих переменах. Переменах, он не сомневался, лучших. О работе в редакции, командировке, заработной плате, новом жилье. Рассеянный взгляд его неожиданно остановился на трёхлитровой банке. Той самой, из которой Витяня наливал ему «Борисфёдырыча». И вот, скорее всего, именно после взгляда на эту банку и осенила его та безумная мысль. Он решил попробовать «на горимость» содержимое банки — налил немного жидкости на ступеньку и поджёг спичкой из Витиной коробки, лежавшей здесь же, рядом с пачкой «Беломора», у трёхлитровки. Жидкость вспыхнула вначале оранжевым, потом зашлась голубым огоньком. Если бы полученная Витей-старшим жидкость тогда не загорелась, всё было бы, наверное, в дальнейшем по-другому. Валера бы уехал на другой день в командировку и впоследствии бы не сочинял романы о зрелых женщинах, а издавал мемуары о строителях, прокладывающих железнодорожную магистраль среди тайги и на вечной мерзлоте. Но спичка загорелась, от её огонька зажглась в Валериной голове дьявольская мысль, и он, уже ни о чём другом не думая и ничего не желая понимать, прижав банку к груди, прошёл мимо слабо соображающего, выделяющего под музыку ногами и руками кренделя Витяни по направлению к соседнему домику.

Занавески в тёмном окне всё так же были задёрнуты, но сквозь щёлку между ними из дальней комнаты пробивался к Валере узкий луч света. Валера поставил банку на завалинку под окно, подобрал несколько разбросанных во дворе, оставшихся после пикника, разорванных вдоль и поперёк газет, сложил их вместе. Затем добавил в кучку две охапки сухой травы, срезанной у забора накануне Володей. Прибавил к кучке кусок толя. Потом он, насколько получилось, обильно полил на кучку жидкостью из банки. Пролил струйкой дорожку к крыльцу балка. И поджёг. Пламя вспыхнуло сразу, и сразу же

огонёк побежал к крылечку. Вид разгорающегося огня вызвал в груди Валеры весёлую злость.

— Спасайтесь, суки! — крикнул он громко и с силой ударил в стекло кулаком.

По всей видимости, стекло зазвенело, ибо оно разбилось, и рука Валеры прошла вовнутрь помещения. Но он не слышал звона, как не чувствовал боли от пореза. Внутри балка началась тревожное движение, потом раздались громкие голоса, переросшие затем в крики. До Валеры голоса доносились, но он не понимал, были ли они женскими или принадлежали мужчинам, и понять не старался. Через несколько минут в движение пришло всё, что находилось вокруг него. Двигался балок, двигался огонь, двигались раскрытые двери, из которых выскочила вначале женщина в нижнем белье, а потом два одевающихся на ходу мужика. Мужики сразу же исчезли за оградой. Женщина тоже. Земля зашаталась, задвигалась под ногами Валеры. Задвигался и он сам. Вернее, он побежал. Ноги понесли его со двора в сторону магазина «Уют», а потом ещё дальше. Он не понимал, куда и зачем бежит. Ему казалось, что он не бежит, а летит по каким-то улицам и переулкам, перелезает через попадавшиеся на пути заборы и небольшие изгороди. Несколько раз за ним пытались увязаться с лаем небольшие стаи собак, но, не выдержав взятого обезумевшим Валерой темпа, отставали. Он стал приходить в себя, когда оказался на берегу озера. Сердце билось учащённо, во рту пересохло. Он вначале намочил руки и лицо прохладной водой, а потом стал жадно пить. Но ни ночная прохлада озера, ни большое количество выпитой воды не могли погасить жар его возбуждённо-воспалённого сознания.

Напившись и отдышавшись, Валера присел отдохнуть на песчаном берегу. Волны Великого озера накатывали к его ногам и отходили обратно. Крупные звёзды у горизонта касались воды, опускались за горы и деревья. Водная рябь, удаляясь, переходила в гладкую черноту, на десятки и сотни километров простирающуюся к северу и югу. Примерно в километре-полутора от берега виднелся контур теплохода, на котором научные работники днём и ночью изучали природу феноменального водохранилища. Теплоход едва покачивался на воде.

«Эх! Сесть бы сейчас на этот белый теплоход и уплыть куда-нибудь. Всё равно куда. Подальше от этого Северного города, от северной женщины, от Витяnek и всех проблем разом...»

Валера встал и медленно побрёл берегом навстречу робко пробивающемуся рассвету. Дело его, как он начинал понимать, было теперь совсем хреновым. Все его вещи, документы и небольшое количество денег остались у Вити. На нём были только брюки, футболка и обутые на босу ногу кроссовки. Организованный им переполох наверняка закончился вызовом милиции, и если даже не случилось никакого пожара, стражи порядка, прибыв на место происшествия, наверняка оформили на его имя «хулиганку» за разбитое стекло и нарушение общественного порядка. А в милиции скоро выявится, что не так давно Валера отбывал срок, и это тоже сыграет свою отрицательную роль. И вместо должности корреспондента городской газеты он может снова отправиться не по своей воле на работу в лесозаготовительную отрасль. Желания посидеть в кутузке, а может быть, даже схлопотать ещё один срок у него не было, а потому Валера, простившись с должностью корреспондента северной газеты, решил выбираться на «большую землю» как был — без средств и удостоверения личности.

Вот тут и нашёл на Валеру новый приступ безумия: начались его новые безостановочные хождения по городским закоулкам, к вокзалу и в порт. Он попытался преодолеть расстояние в двадцать один километр до другого портового большого населённого пункта, чтобы выбраться оттуда на попутном теплоходе, но сходил в дальнейшее путешествие напрасно. Ни на теплоход, ни на катер его не взяли. Пришлось топтать обратно — снова двадцать один километр. На вокзал идти он не рискнул, опасаясь вызвать подозрение у дежурных милиционеров. Попробовал договориться с проводницей о безбилетном проезде, но она, осмотрев его внимательно, послала к бригадиру поезда. Тот, узнав, что денег у Валеры нет, отказал. Ещё одну бессонную ночь провёл Валерий на берегу озера и ещё один день болтался в городских окрестностях, избегая многолюдных мест. Когда в очередной раз стемнело, ослабевший его организм стал терять защитное поле, и в сознание напролом полезли галлюцинации. Вначале в виде голосов знакомых людей: Нины, Витяни-старшего, Володи и даже редактора

газеты. Потом стали мелькать видения. Поначалу, когда это началось, Валера попытался вступить в диалог с голосами и подавал сигналы видениям. Но довольно скоро понял, что сходит с ума, не иначе. И он стал чаще умываться холодной водой. После каждого обильного смачивания головы звуки и видения пропадали, но через некоторое время появлялись вновь, всё плотнее и плотнее подступая к нему и всё глубже проникая в сознание. А после того, как над озером повисла круглая луна, Валера понял, что если срочно не расслабится и не поспит, то до утра может не дожить. От этого понимания он ужаснулся. И теперь уже ужас, овладевший им, погнал его со всех ног обратно по направлению к городу. Теперь он знал, что если срочно не поговорит с каким-нибудь человеком, не попадёт сейчас же в общество людей, то свихнется окончательно. И Валера, убыстряя шаг, пошёл, а потом побежал к Витиному балку. Как преступник, повинувшись какой-то высшей силе, иногда помимо своей воли и сознания, возвращается к месту преступления, как кролик под гипнозом удава идёт в пасть змеи, так и Валера мчался навстречу тому, чего никак не мог миновать. Он был готов потерять свободу, отдать половину из оставшихся ему для жизни лет, отдать всё, но только не сойти с ума. Уверенным шагом Валера вошёл в знакомый двор, сразу увидев, что объект его покушения не сгорел и по-прежнему стоит на том же самом месте. А на месте выбитого им стекла теперь новое. У Вити, как всегда, горел уличный свет, ярко освещая крыльцо дома. Валера робко постучал в окно. Витя, не спрашивая, кто пожаловал, сразу же вышел.

— О-о-о! — протянул он, увидев Валеру, не то удивлённо, не то обрадованно.— Ну что ты, братуха, натворил? Зачем? Тут менты ко мне два раза приезжали: документы все твои и вещи забрали... Меня пытали больше часа: мол, давно ли знаком с тобой, почему ты у меня ночуешь и зачем на жизнь соседей покушался?

— Так уж и на жизнь...— сказал, тяжело дыша, Валера.

— Они считают, что на жизнь. Светка вначале на тебя злая была: заявила им, что ты их поджечь хотел. А потом вроде бы как на попятную пошла, сказала: может, попугать хотел,— но милиционеры заставили её заявление написать... Так что теперь они тебя ищут.

— Ладно, Витя. Я у тебя до утра перекантуюсь, а завтра сам сдамся,— сказал Валера.— Боюсь, если сейчас один останусь — рехнусь.

— Ну проходи. Ложись на диван. Чаю хочешь?

Валера кивнул и пошёл в дом вслед за хозяином.

Пока Витяня кипятил чай, Валера рассказал ему о том, что с ним происходило за то время, пока они не виделись.

— Тебе, конечно, отдохнуть надо бы, поспать,— выслушав его, сказал Витя.— У меня одеколон есть «Тройной». Вещь по-лучше и почище «бээфа» будет. Я его берегу на крайний слу-чай. Но тебе дам. Шарахни натошак, потом чаю сладенького попей — и уснёшь.

— Ой, нет, Витя, я никак не могу ещё от той выпивки отой-ти,— сказал Валера и поморщился от воспоминания.

Он почти физически ощутил запах разбавленного клея.

— Выпей, я тебе советую,— сказал настойчиво Витя.— По себе знаю: иначе не уснёшь. Глюки — вещь страшная. Будешь до рассвета мысли по черепушке гонять, от каждого шороха вскакивать.

Валера знал, что Витя прав, а потому больше отказывать-ся от предложения не стал: собрался с силой и выпил про-тянутый ему Витей стакан, в который он перелил одеколон из флакона. Закусил кусочком быстрорастворимого сахара, тоже заботливо поданным ему хозяином. Потом попробовал попить чаю, но, хлебнув несколько глотков, отставил кружку в сторону.

Укладываясь на сон, Валера, с трудом сняв с себя крос-совки, обнаружил на пальцах и под ними на подошвах ног не-сколько больших и маленьких мозолей и сразу почувствовал боли и рези в суставах. Когда же прилёт, вытянув ноги, то по-чувствовал сильную усталость. Одеколон дал о себе знать: по телу пробежала тёплая волна.

Валера стал думать о матери, о сыне, глаза его отяжелели, и он задремал.

Витя разбудил его, когда за окном рассвело.

— Ну, что надумал делать? Сдаваться будешь? — спросил он, стоя у изголовья.

— Буду,— вздохнул Валера.— Я ещё вчера подготовился морально. Иди звони в ментовку.

Витя ушёл, а Валера на некоторое время опять забылся в полудрёме и открыл глаза, когда над ним снова возник приятель. Он стоял и с жалостью смотрел на обречённого Валеру — длинный, худой, почерневший от постоянного употребления спиртосодержащей жидкости. Валера подумал, что со стороны и он выглядит не лучше.

— Менты приехали на «уазике»,— сказал Витя.— Иди, ждут за оградой. Ни в дом, ни во двор заходить не хотят. Сказали, что если выйдешь к ним сам, то оформят тебе явку с повинной.

Валера кивнул, с трудом поднялся, с трудом натянул кроссовки на распухшие за ночь ступни. Витя поднёс ему было кружку с чаем, но Валера отмахнулся, горько пошутив:

— Пойду на халявную тюремную баланду. Там и чай попью, и ухи поем. Спасибо, братан, за всё,— поблагодарил он не один раз помогавшего ему приятеля, выходя на улицу и пожимая Виктору руку на крыльце.— Не скоро, наверное, увидимся.

Витя промолчал. Валера не торопясь, прихрамывая, спустился с крыльца, секунду постоял во дворе, прощаясь с Витиным балком и его баней, с жилищем Светы, в котором он жил и которое чуть не спалил. На крыльце стояла Олеська. Валера махнул ей рукой, ребёнок приветливо и радостно замахал в ответ. Валера прошел мимо неё, пошёл к калитке.

За оградой его действительно ждал жёлтый милицейский «уазик».

«Вот и всё...— подумал Валера, увидев милиционеров.— Прощай, свобода...»

Толстый, сержант-азиат, быстро подбежав к Валере, ловко застегнул на его запястьях наручники и, легонько подтолкнув, повёл к автомобилю. Он указал арестанту на отведённое ему заднее «купе» в милицейской машине. Валера оглянулся. Вышедший за ограду Витя стоял рядом с Олеськой. Он прощально махнул Валере. И через пять минут «уазик» уже мчал узника по знакомым ему улицам Северного города к городскому отделу милиции.

События первого своего подневольного дня Валера принимал отстранённо. Да и останавливаться подробно на них не следует — они не играют большой роли в нашем повествовании. Ещё один милиционер-азиат, в гражданской одежде, часа два допрашивал его в каком-то кабинете горотдела милиции. Записал историю его знакомства с Ниной и развитие их отношений на двенадцати страницах. Валера решил разыграть роль ревнивого любовника. Как это ему удавалось, судить он не мог, но следователь по ходу рассказа Валеры и его подробных объяснений, будто бы соглашаясь с подследственным, частенько кивал головой. После допроса Валеру отвели в камеру, где уже до него томились два невольника. Один из них был повар местного ресторана, погонявший жену, другой — экспедитор с базы снабжения стройки, избивший пасынка. В КПЗ, или, как принято говорить, в изоляторе временного содержания, Валера наконец уснул и проспал почти сутки, просыпаясь лишь потому, что сокамерники его окликали на обед и ужин. Он от еды отказывался и снова засыпал.

На другой день была суббота. На допросы никого не вызывали. Выспавшись и позавтракав, Валера наконец понял, что времени у него достаточно: надо всё обдумать и постараться вести себя в ходе следствия так, чтобы не наговорить лишнего и, что называется, «не загрузиться на полный срок». Уже знакомый с уголовным кодексом, он начал прикидывать в уме, по какой статье и сколько ему могут напать сроку и сколько будет ему, бедолаге, когда он выйдет на свободу. Подумал о матери и сыне. Сколько лет будет Максимке, когда вернётся к нему блудный отец? Сможет ли мать воспитать внука? Хватит ли у неё сил? Ну а о работе в газетах придётся забыть совсем. Валера подумал обо всём этом, и снова грусть-печаль вселилась в его сердце.

Повар и экспедитор, уже получившие санкцию на арест и вторую неделю ожидавшие этапа на «большую землю» — в следственный изолятор, проявили естественный интерес к новому сокамернику.

— Больше трёшки не дадут, — сказал экспедитор, вникая в Валерино дело. — Я тоже трояк жду. Попинал щенка-пасынка. Он у меня коробку мороженой рыбы, минтая безголового,

спёр и продал по дешёвке. А что, я должен за него, пятнадцатилетнего детину, свои деньги платить? И так их с его мамашей пять лет содержал. Решили посадить меня. Вот пускай теперь поживут. Поймут, как денежки на стройке добывают. Пусть Людка пойдёт повкалывает. Вспомнит, что сюда приехала на работу штукатуром-маляром.

— Да не будет она вкалывать, — высказал своё мнение повар. — И моя не будет. Найдут себе новых придурков, которые их кормить будут. Это недолго. Поедут на «большую землю», заманят северными надбавками одиноких мужиков и привезут их в наши с тобой квартиры. Как Валерку толстуха заманила. Мы пока тянуть срок будем, они на свободе покувыркаются с молодцами, а перед тем, как нам вернуться, они и этих молодцов посадят. Найдут повод. Моя мне знаешь что на свиданке, когда меня к прокурору возили, сказала? Смотри, мол, веди себя хорошо, а то может так получиться, что некуда вернуться из тюрьмы будет. Сама посадила, теперь всё мною заработанное промотает, и я гол как сокол на волю выйду. Мало я её, стерву, гонял. Прощал ей её выходки.

— Это хорошо, парень, что ты не женат, — сказал экспедитор Валере. — Там меньше думать об изменах бабьих будешь.

В ночь с субботы на воскресенье Валера снова спал плохо. Поднимался, ходил по маленькой клетушке камеры, думал о не сложившейся своей жизни, переживал за сына.

Ему вспомнились вдруг отчётливо, ясно первая встреча с Ниной в мартовском поезде и его признание ей: «У тебя глаза красивые». Что она тогда ответила ему? «Я и сама ничего...», кажется. У Валеры защемило под сердцем. А она всё равно ничего. Несмотря ни на что, они могли быть вместе. Ах, вернуть бы тот мартовский вечер, ту мартовскую ночь. Или даже майские дни их свидания у него в городе. Или первый его приезд в Северный город. Или хотя бы...

Но ничего уже вернуть было нельзя. Нина оставалась там, на воле, с другим мужчиной или мужчинами. А он был в изоляторе временного содержания, под замком, хотя пока не так далеко от неё...

Дважды поднимавшийся по нужде повар, глядя на ходившего по камере Валеру, понимающе качал головой:

— Что, брат, мысли по черепушке гоняешь? Гоняй, гоняй. Все через это прошли, пока с участью своей смирились.

В воскресенье к вечеру смирился и Валера. Он внушил себе, как уже делал не один раз в трудные и удачные дни своей жизни, что всё, что ни происходит на земле, и с ним в частности, давно уже предрешено, и весь сценарий его жизни давно прописан, и ни вправо, ни влево выйти за его рамки не дано никому.

«В каждом событии есть свой смысл, тайный или явный. Если я здесь, то, видимо, эта камера — лучшее для меня место на это самое время моей жизни. А я ведь мог сейчас быть далеко отсюда и гореть где-нибудь на пожаре или тонуть в озере, но обстоятельства сложились именно так, что я оказался здесь. По воле судьбы. За каждой чёрной полосой жизни обязательно следует белая или, на худой конец, серенькая. Значит, лучшие дни мои всё же впереди. Хотя как, наверное, ещё не скоро они придут».

В понедельник никого из их камеры на допрос не вызывали. Заканчивались трое суток, отведённых по закону на задержание Валеры, дальше его могли держать в изоляторе только по прокурорской санкции. По совету сокамерников, Валера начал требовать от охранников свидания с прокурором.

К концу дня его наконец вызвали и повезли на «уазике» через весь город к прокурору.

Здоровенный мужик, с одним глазом и волосатыми руками, выглядывающими из-под закатанных рукавов белой рубашки, сидевший за столом, первым же вопросом сразил его наповал:

— Ну и долго ты собираешься здесь париться?

— Это от вас зависит,— ответил после некоторого замешательства сбитый с толку вопросом прокурора Валера.

— Зачем бабу сжечь хотел?

— Не сжечь, а попугать.

— Ишь ты, пугало нашёлся,— привстав, плюнул, не стесняясь охранявших Валеру милиционеров, прокурор.— Какого хрена ты с этими проститутками со столовки связался? Сказать мне можешь?

— Любил...

— Ты мне про любовь не лепи горбатого,— прокурор встал со стула.— Хочешь, сейчас возьму бутылку и поеду к твоим машкам-марухам, и меня они любить будут, как тебя. А то и лучше. Ты кто? Корреспондент какой-то, каких в любом райцентре навалом. А я прокурор города. Что молчишь? Не так разве?

Валера пожал плечами.

— Не знаешь? А я знаю,— прокурор встал и подошёл к задержанному вплотную.— Вот что, парень, собирайся-ка ты побыстрее отсюда, садись в вечерний поезд и больше сюда не возвращайся, а то точно сядешь со своей любовью. Понял?

Валера не понял. Он был готов ко всему, только не к такому повороту событий.

— Штраф, конечно, нужно было с тебя сорвать за нарушение общественного порядка, да денег у тебя, знаю, нет,— сказал обвинитель.— Ладно, ограничимся тем, что ты отсидел трое суток.

— Сержант,— обратился он к старшему конвоиру,— отдайте ему паспорт, и пускай отваливает отсюда. А если завтра увидите его здесь, то снова забирайте. Тогда я ему арест точно выпишу. Если не поймёт.

— Давай в машину,— сказал, ещё сам до конца не понимая, что происходит, сержант и потянул Валеру за рукав к двери.

— Что-то он сегодня добрый,— сказал милиционер, предлагая теперь сесть бывшему узнику рядом с водителем.— Редко он такой бывает...

По пути из прокуратуры в горотдел сержант протянул Валере сложенный вчетверо тетрадный лист.

— Тут к тебе одна баба в субботу приходила,— сказал он,— просила свидания. Здоровая такая толстушка. Извини, я не мог разрешить. Не положено, ты под следствием был. Она тогда записку просила передать, я тоже не рискнул её тебе отдать. А теперь можно. Даю честное слово, я её не читал.

Валера развернул листок и сразу узнал почерк.

«Что ты, Валерка, наделал? Зачем хотел сжечь дом? Меня не было там. Светка должна забрать заявление. Я ходила к прокурору, он обещал посмотреть твоё дело и, может,

отпустит. Если отпустит, меня не ищи. Садись на первый поезд и уезжай. Нина».

Паспорт Валере всё-таки не выдали. Следователя, занимающегося его делом, в городе не оказалось, а кабинет его был закрыт. Отпустили так, сказав, что могут отдать документ кому-нибудь из друзей. Валера согласно кивнул и быстро покинул милицейское учреждение.

Витя был немало удивлён его приходу. Он и ещё несколько приятелей, уже знакомых Валере и новых для него, готовились к очередной выпивке. На этот раз расположились во дворе, недалеко от Светкиного балка.

— Слушай, повезло тебе крупно,— сказал он.— Правда, я просил Светку пойти похлопотать за тебя. Может, это она настояла? Ну, что теперь делать будешь?

— Прокурор сказал, чтобы я немедленно уезжал домой.

— Правильно,— сказал Витя.— Я сейчас для тебя пару червонцев займу у мужиков под честное слово. Потом вышлешь.

Витя проводил Валеру в дом, поставил на электроплитку чайник.

— Посиди пока здесь, я сейчас деньги принесу.

Он вышел и вернулся через полчаса, как и обещал, с двумя десятирублёвыми купюрами.

— Тут Светка пришла, хочет с тобой поговорить,— сказал он.

Валера почувствовал себя не совсем уютно.

— Сейчас я её пришлю. Всё нормально будет. Баба она не злопамятная,— Витя оставил деньги на столе и снова вышел.

Через минуту зашла Светлана.

— Ну чё, каскадёр? — спросила она, улыбаясь.— Зачем хотел меня без крова оставить?

— Да я и сам не знаю...— сказал Валера, отводя от неё глаза.— Мне казалось, Нина у тебя там с какими-то мужиками.

— Показалось ему! Мало ли что с перепоя технарём покажется? Ещё не такое. Я же говорила тебе: нет её у меня,— так ты ничего не соображал. А спалил бы домик — где мы с ребёнком бы жили? А?

Валера молчал, опустив голову, стоя перед Светланой, как двоечник перед родителями.

— Ладно, я баба добрая. Вижу, что Нинку ты всё равно любишь, иначе бы не стал дом поджигать. И она тебя. Как узнала, что ты из-за неё на поджог пошёл, снова от Коли своего ушла. Это она меня уговаривала заявление забрать из милиции. А я и писать ничего не хотела, участковый уговорил. Нинка сама к прокурору ходила, просила, чтобы он тебя попугал покрепче и отпустил. Попугал он тебя?

— Ещё как попугал! Такого наговорил! — оживился Валера.

— И правильно сделал. Я тебе вот что, дорогой мой, скажу. По секрету. Ты иди сейчас за билетом, а Нина к поезду придёт. Она просила тебе ничего не говорить. Но, я вижу, ты здорово настрадался. Так что на вокзале встретитесь. Она за Юркой поедет. У тебя целые сутки есть, чтобы вернуть утерянное к себе расположение.

— Спасибо, Света. Я сейчас прямо на вокзал пойду.

— Пойдём, хоть поешь перед дорогой. Возле меня там Витька сабантуй устраивает. Вот тоже кадр. И когда напьётся, не знаю. Возьмём у них закуски тебе на дорогу.

— Спасибо, Свет, но я лучше пойду. Дорогой булочек куплю...

— Ну, как знаешь... Пока... Надеюсь, ещё увидимся...

И она пошла к компании парней, расстеливших на траве ковёр и выставивших на него водку и закуску. Валера проводил её взглядом. Потом вышел во двор, отозвал Витю-старшего, к ним подошли, улыбаясь, Витя-младший, напевающий знакомую песню про лилипутика и леденец, и Вадим, в компании которого Валера впервые выпил разведённый напиток, полученный из клея «БФ-6». Каждый из них пожал Валере на прощание руку.

17.

Валера пришёл на вокзал за полтора часа до отправления поезда. Без особых проблем за двенадцать рублей купил билет на плацкартное, правда, боковое, место. Прогулялся по привокзальной площади, зашёл в буфет за лимонадом, купил пирожков в дорогу. Постоял на автобусной остановке. Конечно же, он ждал Нину! Он с нетерпением встречал каждый пришедший из города автобус и искал

её среди выходявших из городского транспорта женщин. Ему казалось, что он видит её едва ли в каждой из них. Вот точно такой же, как у неё, синий плащ... Вот такая же бордовая кофточка... Вот та самая тяжёлая сумка, из которой она доставала тогда в поезде домашнее вино и колбасу... Но автобус приходил за автобусом и, постояв, отправлялся обратно в город.

Её не было. Не приехала она и к отправлению поезда.

«Неужели Светка что-то перепутала? — думал он, заходя последним в вагон перед самым отправлением поезда. — Или, может, она обманула меня? Мне же во благо. Чтобы не раздумал и не остался. Хотела успокоить. Мол, ты иди спокойно себе за билетом, а Нина приедет на вокзал, и вместе поедете. Ага, приедет. С какой стати?»

В вагоне народу было немного.

— На других станциях за ночь насядут, — сказала проводница, принёсшая ему постельное бельё. — К утру, как обычно, вагон полный под завязку бывает.

Валера попросил у неё стакан чаю. Он смотрел в окно, пытаясь разглядеть знакомые улицы и места города, где ему приходилось бывать. Издали увидел крышу хозмага, здание редакции, поезд прошёл рядом с городским парком. Состав шёл по городу медленно и вскоре совсем остановился.

«А, станция Лесная ещё ведь, — вспомнил Валера. — Или полустанок? Где я чуть было в первый раз досрочно не вышел... Когда же это было? Всего-то два месяца назад... А кажется, прошло сто лет...»

На Лесной поезд постоял минуты две и резко стал набирать ход.

Вот и всё. Закончилась и эта его жизненная командировка. Поезд судьбы отошёл от одной станции и помчал его к другой.

Проводница принесла чай. Валера отдал ей двадцать четыре копейки, достал из полиэтиленового пакета пирожки. За окном городской пейзаж закончился, замелькали сосны. В вагон вошёл человек представительного вида, в железнодорожной фуражке. Валера сразу безошибочно, по петлицам на кителе, определил в нём бригадира поезда. Следом за бригадиром появился милиционер.

«Обход хозяйства начали», — сделал вывод Валера. Когда бригадир с сержантом милиции подошли к нему близко, у Валеры глубоко внутри появилось предчувствие. Оно его не обмануло. Проходившие остановились возле него.

— Вас просят пройти через штабной вагон к прицепному, следующему до областного центра, — сказал Валере бригадир поезда.

Ноги и руки Валеры сразу же налились тяжестью. «Что там ещё? Зачем? Неужели прокурор передумал, что-то нашёл ещё, меня компрометирующее? А может, отпустил только для того, чтобы снова задержать? Ведь если сейчас меня возьмут, то смогут снова оправить в ИВС на трое суток без ареста. И всё будет по закону. Наверное, так и есть. Сейчас высадят с поезда, подойдёт милицейский „уазик“ — и прощай, свобода! Хватит, побыл на воле три часа. Но зачем? Зачем нужен им этот спектакль? Ведь могли всё сделать сразу, там же, у прокуратуры. Отпустить, дать возможность отойти на три шага — и снова в кутузку...»

Валера попробовал взять себя в руки. Сделал над собой усилие, вытер выступивший пот на лбу, поднялся. Он не стал задавать бригадиру поезда глупого вопроса типа: «А в чём дело?» — а, сделав ещё одно усилие, пошёл к той двери вагона, в которую вошли бригадир с сержантом милиции. Бригадир одобрительно кивнул. Возле двери Валера оглянулся: бригадир поезда с милиционером пошли дальше по составу, в следующий вагон.

«А может, ничего? Может, меня просто по какому-то делу в штабной вагон вызвали? Вот именно — по делу! И не в штабной, а в прицепной...» — снова предположил Валера, теперь уже переключая ход мысли на более оптимистический вариант. Дойдя до вагона-ресторана, он остановился в тамбуре перед стоп-краном. «А может, рвануть, выпрыгнуть — и по тайге?...» — пришла ему в голову на этот раз авантюрная мысль. «Нет!» — отринул он её от себя и пошёл дальше — навстречу своей судьбе.

Он шёл навстречу своей судьбе, так круто повернувшей сегодня и приготовившей для него впереди ещё какое-то испытание.

В штабном вагоне он спросил проводника, далеко ли до прицепного.

— А это вы Валерий? — спросил тот в свою очередь неожиданно.

— Я...

— Вас ждут через два вагона, в седьмом купе.

— Кто? — скорее не из любопытства, а по инерции спросил Валера.

— Я не знаю, — ответил проводник. — Просили передать вам — я передал...

Валера поблагодарил его и пошёл дальше. В коридоре вагона, где его должны были ждать, никого не было. Двери купе проводников и пассажиров тоже были закрыты. Валера прошёл до седьмой по счёту двери и несмело постучал. Ответа не последовало. Он постучал ещё, уже громче.

— Открыто! — отозвались из-за двери женским голосом.

Валера раскрыл дверь купе и замер.

Ну конечно же, это была Нина! Где-то глубоко, подсознательно он допускал мысль, что шёл к ней, но не смел думать об этом маловероятном и сказочном для него варианте!

— Ну что оторопел, поджигатель? Светка же сказала тебе, что я с тобой поеду. Я на Лесном села. Меньше глаз чтоб видел. Хочешь не хочешь, но я договорилась с бригадиром, доплатила ему, ты со мной в купе поедешь.

Валера всё ещё стоял в нерешительности, не веря в такие чудесные повороты судьбы, случившиеся с ним за несколько часов. Ещё недавно он был в камере изолятора временного содержания, потом у Вити, говорил со Светой, дом которой он хотел поджечь, а теперь едет в поезде, в одном купе с женщиной, ради которой он оказался в Северном городе и вследствие чего произошли все последующие события.

— Что, дара речи лишился? Хорошо, сходи для начала в умывальник, приведи себя в порядок. Я тут тебе станок бритвенный взяла, крем для бритья, шампунь, лосьон, мыло... А то, наверное, и не видел ещё, на кого стал похож за дни заключения. Ну зек зекком... Да, вот ещё спортивный костюм твоего размера по случаю достала, примерь, переоденься...

Валера только теперь глянул на себя в зеркало. Недельная щетина покрывала его скулы, щёки, прихватывая часть шеи. Немытые волосы лоснились и торчали, налезая прямо на уши и глаза.

— Я сейчас,— сказал Валера, взяв пакет с туалетными приборами, полотенце и спортивный костюм из рук Нины.

Щетина не хотела поддаваться с первого раза безопасно-му лезвию, и Валере трижды приходилось скоблить лицо бритвенным станком. Борьба закончилась в его пользу, но не без ущерба. Под губой остался небольшой порез, и Валера потратил немало времени, чтобы остановить кровотечение.

Когда освежившийся пассажир вышел из туалетной комнаты, Нина стояла в коридоре и смотрела в окно. Точно так же, как пять месяцев назад, возможно, даже в этом самом прицепном вагоне, который шёл тогда в обратном направлении — к Северному городу. Возможно, даже у этого самого окна. Наверняка у этого. Ведь они тогда тоже ехали в седьмом купе!

Валера понимает, что терять ему нечего, подходит очень близко к Нине и, глядя в лицо, говорит:

— У тебя глаза красивые.

— Да я и сама ничего,— спокойно реагирует соседка по купе на его признание, не отводя от него глаз.

— Конечно, ничего,— соглашается он и, ещё более осмелев, задаёт вопрос, после которого начинает развиваться диалог следующего содержания:

— А ты замужем?

— А с чего бы мне быть замужем? Была, да вот встретила одного такого вот в поезде, и всё по другому пошло.

— Я так и понял.

— Правильно понял. Вижу, и ты не женат.

— А когда мне жениться? Была одна претендентка на моё свободное сердце, да вот теперь не знаю, может, передумала... А я спортсмен. С соревнований еду. Вот, видишь, отпечаток на лице?

— А я как синяк, извини, порез увидела, так сразу поняла, что ты спортсмен. Легкоатлет, наверное? Раз на глинные дистанции бегаешь... А претендентка у тебя, видимо, не одна...

— Одна. Одна-единственная. Из-за которой чуть в тюрьму не попал...

— Рисковый ты парень, однако. Была бы помоложе, пошла бы за тебя замуж.

— А я хоть сейчас готов на тебе жениться...

— Несмотря ни на что?

— Несмотря ни на что...

— Хочется верить...

— А ты верь...

— Уже, уже поверила, милый мой Валерочка. Сколько, сколько ты перестрадал! И всё из-за меня...

Она осторожно прикасается к его мокрым, пахнущим свежим шампунем волосам. Он обнимает её за талию.

— Ниночка...— шепчут его губы.

Ещё минута — и Валера с Ниной сливаются в долгом, жадном, так необходимом им обоим поцелуе...

А время «Х» висит над ними, над мчащимся по новой железнодорожной трассе поездом. Оно, время, мчит по тайге, пересекает реки по только что построенным мостам, ныряет в тоннели, преодолевает горные хребты. Время одно знает, что ждёт мужчину и женщину впереди — через час, день, десятилетие... Оно, время, одно ведает, почему вот этот Валера и эта Нина, преодолев испытания и расстояния, снова оказались вместе, в купе того же самого поезда, в котором встретились несколько месяцев назад. А может быть, они никуда и не выходили из этого вагона и продолжают тот самый, ставший теперь бесконечным, путь? Ведь для времени каких-то пять месяцев — это совсем не срок и даже не мгновение.

Время «Х» замерло над ними и остановилось. Навсегда. Ради них. Ради Валерия и Нины. Время «Х» благословило их. И пусть они, Валера и Нина, вечно будут счастливы в этом поезде, в этом вагоне без проводников и пассажиров, мчащемся по новой железной дороге в новую для них обоих жизнь и ещё дальше — в Вечность.